

Л. Темирханов

Воспиточные
иуштуруны
в новое время

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. Темирханов
Восточные
пуштуны
в новое время
(ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор Ю.В.ГАНКОВСКИЙ

В монографии исследуется социально-экономическая и политическая структура восточнопуштунских племен. Особое внимание уделяется влиянию колониальной политики Англии на процессы социальной дифференциации восточных пуштунов и изживания ими родо-племенных пережитков.

0506000000-177 013(02)-84

45-84

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1984.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена этно-социальной характеристике восточных пуштунов в новое время. Хронологические рамки исследования охватывают период от начала оккупации английской колониальной армией населенных пуштунами равнинных территорий на правом берегу р. Инд в 1849 г. до окончания первой мировой войны. В ЗаклЮчении дана краткая характеристика основных изменений, которые произошли в восточнопуштунском обществе, в его социально-экономической и политической структуре, в последние десятилетия колониального режима (т.е. после 1918г.).

Методологической основой проведенного автором исследования были труды основоположников марксизма-ленинизма о закономерностях становления, развития и смены общественно-экономических формаций, о зависимости (исторической обусловленности) общественного строя и присущих ему политических учреждений от экономического строя общества и господствующих в нем производственных отношений. Основными источниками, использованными автором при написании работы, были материалы Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА); справочники, составленные для служебных целей чиновниками английской колониальной администрации; договоры и дипломатическая переписка (освещающая отношения английских колониальных властей с восточнопуштунскими племенами и другие вопросы); мемуары и записки европейских путешественников и английских колониальных деятелей; пресса и другие периодические издания и, наконец, официальные афганские исторические сочинения, составленные по указанию, а иногда и при непосредственном участии эмиров Абдуррахман-хана (1880-1901) и Хабибуллы-хана (1901-1919).

Большую помощь при изучении рассматриваемых в работе проблем оказали автору труды советских востоковедов, посвященные различным периодам ис-

тории восточных пуштунов, а так же истории Афганистана, Северо-Западной Индии и Пакистана, особенно работы И.М. Рейснера, М.Г. Асланова, Ю.В. Ганковского, М.Р. Аруновой, Г.Ф. Гирса, Н.М. Гольдберга, Н.М. Гуревича, А.Д. Давыдова, Т. Джабборова, В.В. Москаленко, Л.Р. Полонской (Л.Р.Гордон), В.А. Ромодина, Н.А. Халфина.

Всем сотрудникам Института востоковедения АН СССР и Института востоковедения АН Таджикской ССР, а так же Таджикского государственного университета, принявшим участие в рецензировании и обсуждении работы и содействовавшим своими замечаниями устранению ряда недостатков, автор выражает искреннюю признательность.

РАССЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ПУШТУНСКИХ ПЛЕМЕН

В середине XIX в. племена восточных пуштунов занимали компактную территорию, протянувшуюся почти на 600 км. вдоль северо-западных границ Британской Индии. Площадь этой территории 120 тыс. кв. км, население – около 5 млн. человек¹. Территория, заселённая восточнопуштунскими племенами, простиралась вдоль правого берега р. Инд, которая была её восточной границей от Читрала на северо-востоке до Дераисмаилхана на юго-западе. Пуштунское население имелось и к востоку от р. Инд, в округе Хазара. Хотя на равнинах к западу от Инда имелось и непуштунское население (панджабцы, гуджары, белуджи), всюду кроме округов Хазара и Дераисмаилхан, пуштуны составляли подавляющее большинство.

Основную часть населённую восточными пуштунами территории занимали Сулеймановы горы и их отроги. Их прорезали долины рек – на севере Кабул и Сват, в центральной части – Точи, Куррам и Гумал, а на юге – Зхоб и Кундар.

Страна пуштунов богата полезными ископаемыми – железом, солью, медью, селитрой, серебром, мрамором. Залежи железной руды высокого качества имеются в Баджауре, Дире и Вазиристане².

Горные склоны Сватского Кухистана, Верхнего Куррама, Дира, Баджаура, Тираха, Западного Вазиристана были покрыты сосновыми, дубовыми, кедровыми лесами, рощами оливковых и других ценных деревьев.

Климат этого района – континентальный, жаркий и сухой, с дождями, выпадающими всего два раза в год во время муссонов, – обусловил значительную зависимость местного населения от искусственного орошения. Земледельческие зоны располагались в долинах рек. Наиболее важными из них были хорошо орошённые долины Свата и Баджаура, Пешаварская долина и лежащие южнее долины рек курам и Точи. Земледелие в округе Дераисмаилхан находится в пол-

ной зависимости от потоков, стекающих с вазирских холмов. Отличаются плодородием и хорошо орошенные долины Зхоба и Кундара.

Основными пуштунскими племенами, населявшими в середине XIX в. эту территорию, были племена: юсуф-заи, гадун, таркалани, утман-хель, мухаммадзаи, халил, даудзаи, гигиани, моманд, африди, оракзаи, муллагири, хаттак, тури, займукх или займухт, чам-кани (цамкани), биттани, вазири, даур, ширани, ка-кар, тарин, ачакзаи, гандапур, лохани, марват и баннучи.

Одним из самых многочисленных пуштунских племен были юсуфзаи. По подсчетам В.А. Ромодина, территория, населенная юсуфзаями, равнялась 25 тыс. кв. км, а их численность достигала 600 тыс. человек³. Юсуфзаи населяли северную часть Пешаварской равнины и горные области к северу от нее — Бунер, Сват и Дир (до Читрала), а также горные районы между реками Сват и Инд и районы Черной горы на левобережье Инда. Юсуфзаи делились на две основные группы: собственно юсуфзаи (основные кланы исазаи, мандизаи, илиасзаи, мализаи, akkaзаи и ранизаи), населявшие горные области, и манданы, которые жили главным образом в равнинных районах северо-восточной части Пешаварской равнины.

Гадун (или джадун) обитали в округе Хазара и на южных склонах горы Махабан. Племя насчитывало около 8 тыс. семей и делилось на две ветви: салар и мансур.

Утман-хель занимали район, граничивший на востоке со Сватом, на юге с Хашнагаром Пешаварского округа, на западе с землями момандов и на севере с Диром и Баджауром. Площадь занимаемой утман-хель территории равнялась 7 тыс. кв. км. Племя состояло из шести главных ветвей, или хелей (кланов) и насчитывало 17-18 тыс. семей⁴.

Мухаммадзаи обитали в районе Хашнагар Пешаварского округа, на восточном берегу р. Джундах. Племя насчитывало около 20 тыс. семей⁵ и делилось на кланы: шерпао, умарзаи, туранзаи, утманзаи, разар, чарсадда и пранг.

Таркалани населяли территорию, границами которой были: на севере р. Панджкора, на востоке и юге земли утман-хель и момандов, на западе хребет Кунар. Таркалани распались на несколько кланов: исма-илзаи — в долине Майдана, исазаи — в долине Бара-ула и Джандола, саларзаи — в долине Бабукара и Ча-хармунга, момунд — в долине Ватилая (Чтлая). Занимаемая таркалани территория равнялась 11 тыс. кв. км, а численность их достигала 400 тыс.⁶

В долине Руд таркалани жили вместе с юсуфзая-ми, момандами, сафи и утман-хель.

Сафи (около 20 тыс. семей) жили на склонах одноименной горы Сафи и в районе Соркарм, вблизи Бад-жаура.

Племена халил, даудзай и гигиани обитали в Пешавар-ской долине. Земли халилов площадью около 200 кв. км были расположены к северу от Пешавара. На запад от них находился Хайбер, на юге р. Кабул, а на востоке земли племени даудзай. Племя халил делилось на кланы: маттезай, барозай, исхакзай, талиарзай. Племя даудзай населяло левый берег р. Кабул и состояло из кланов: мамур, юсаф, мандки. Племя гигиани населяло район Доаба.

Племя моманд (или мохманд) состояло из шести основных кланов: халимзай, таракзай, мусазаи, дава-зай, баизай и хвазай. В нем насчитывалось около 60 тыс. семей⁷. Оно занимало область, лежащую к северо-западу от Пешавара между реками Кабул и Сват.

Племя африди населяло Хайберский проход, долины рек Бара и Базар и их притоков (северо-восточную часть Тираха), район Кохата и равнину Каджури, находившуюся между восточными отрогами водораздела долин Базар и Бара. Африди делились на кланы (хели): куки (населяли Али Масджид и Джамруд и долины Лашора и Раджгул), сепахи (долина Бара и равнины Каджури), закка (Хайбер, участок от Кала Хештаи до Ланди Котала и долины Базар, Бара и Майдан), адам (район Кохата) и ака (долина Варана). Численность африди достигала 120 тыс.⁸

Мулпагири и шильмани, относительно небольшие племена, занимали территории, расположенные между землями момандов на севере и западе, африди — на юге, Пешаваром — на востоке. Племя муллагири состояло из кланов ахмад-хель, даулат-хель и исмаил-хель и насчитывало 6 тыс. человек. На территории муллагири находился проход Сасобай и так называемый Малый Хайбер. Племя шильмани насчитывало около 3 тыс. человек.

Племя оракзай жило в долине Ханки, в южной части Тираха и в долине Харман в западном Тирахе. Северо-восточнее его обитали африди, на востоке — бангаш, на юге и западе — займукх и чамкани. Отдельные поселения оракзаев имелись также в округе Кохат. Племя оракзай делилось на четыре ветви: даулатзай, исмаилзай, лашкарзай и мухаммад-хель.

Хаттатш (около 80 тыс.) и бангаш (около 6 тыс.) жили в округе Кохат. Поселения бангаш имелись также в нижней части долины р. Куррам. Хаттаки делились на две территориальные ветви: акора (акар-

хель) и тери; первая обитала в Пешаварском округе, а вторая в Кохате.

Племя тури населяло верхнюю часть долины р. Кур-рам. Оно насчитывало до 10 тыс. человек и делилось на две ветви (саргалла и гараи) и пять кланов: хамза-хель, масту-хель, дапарзаи, гунди-хель и ализаи (али-хель).

Займукхи обитали в стране, расположенной между долинами рек Ханки и Куррам. Площадь ее равнялась 1 тыс. кв. км. Они также делились на несколько хе-лей.

Чамкани (10 тыс. семей) обитали на южных склонах хребта Сафед-Кух. На севере и востоке племя граничило с африди и оракзаи, а на юге и западе — с тури.

Племя вазиров было одним из наиболее сильных племен восточных пуштунов. Площадь Вазиристана достигает 20 тыс. кв. км и тянется от долины р. Куррам на севере до р. Гумал на юге. На западе Вази-ристан граничит с Хостом, на востоке — с Кохатом и Банну. Вазиры разделялись на три главных ветви: дервиш-хель, махсуд и гурбуз. Эти ветви, в свою очередь, делились на несколько хелей. По данным, приведенным в книге Фаиза Мухаммада Катоба "Си-радж ат-таврих", племя вазиров насчитывало в конце XIX в. 70 тыс. семей 9.

Племя даур (или даури), насчитывавшее около 20 тыс. семей, населяло долину р. Точи. Даур делилось на две группы кланов — маули и ибрахим.

Биттани обитали между округами Дераисмаилхан, Банну и Вазиристаном; территория их имела 40 км в ширину и 60 км в длину и простиралась от Спингара на западе до подножия гор у Бейнского прохода на востоке и от Табаргара на севере до Гирнисара на юге. Племя состояло из хелей джана, татта и ураспун, каждый из которых, в свою очередь, делился на несколько более мелких подразделений.

Шираки населяли область, простиравшуюся вдоль западной границы округа Дераисмаилхан. На севере она граничит с Вазиристаном, на юге и западе — с племенем какар. Цепь Сулеймановых гор, идущих с севера на юг, делила ее на две части — Ларга ("низменность") и Барга ("платогорье"). Ширани распадались на несколько кланов: уба-хель, занимавших Ларгу, сиан-хель и чугар-хель в Барге.

Племя какар было после юсуфзаев и вазиров самым сильным и многочисленным среди восточных пуштунов. Оно занимало обширную область, которую иногда называют Какаристан, тянущуюся более чем на 260 км с запада на восток и на 120 км с севера на юг; ее общая площадь составляет около

25 тыс. кв. км. На севере их территория граничила с Гумалом, на востоке и юге с землями ширани, уш-тарани, змари, муса-хель, луни, тарини, а на западе с землями племени ачакзаи. Какар делилось на кланы: баби, сардар-хель, мандио-хель, сарагзаи, награ, дави, байанзаи, ходжазаи, кибзаи, хамазаи и др.

Племя тарин, делившееся на две ветви — тор-тарин и спин-тарин, населяло Пишин.

Ачакзаи (из группы племен дуррани) населяли склоны горы Ходжа Амран и плоскогорье Тоба, а также Пишин.

Племена гандапур (около 7 тыс. человек), уштарани или устарани (около 6 тыс.), хасор, бабар, или бабур жили в округе Дераисмаилхан; баннучи (свыше 20 тыс.) и марваты (около 40 тыс.) — в округе Банну.

На территории, населенной восточными пуштунами, в середине XIX в., да и позднее не было ни одного населенного пункта городского типа, в которых пуштуны численно преобладали бы. Что же касается таких селений, как, например, Шахар или Миан-кала в Баджауре, Лалпур Пандиали, Мични и Дунг в стране момандов или Вана, Макин и Спин в Вазиристане, то, как правило, это были просто крупные, обычно хорошо укрепленные деревни, служившие резиденцией ханам сильнейших пуштунских племен или кланов. Лишь немногие из них (например, Канигурам) стали к середине XIX в. центрами ремесленного производства. Важно отметить, однако, что значительную часть населения этих ремесленных центров часто составляли не пуштуны, а представители других народов, которые преобладали также среди жителей немногих городов на правом берегу Инда (например, Пешавара или Дераисмаилхана).

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ВОСТОЧНЫХ ПУШТУНОВ

Основными занятиями восточных пуштунов являлись скотоводство и земледелие. При этом скотоводство преобладало, что объяснялось горным характером территории, населенной пуштунами, недостатком земли, годной для обработки, и засушливым климатом. Природные условия препятствовали земледельческим работам и способствовали тому, что большинство пуштунских хелей сочетали занятие земледелием с отгонным скотоводством, которому отчасти благоприятствовало и наличие хороших высокогорных пастбищ. Земледелие как основной вид занятий преобладало лишь у пуштунов, населявших долины по правому берегу Инда (территория так называемых админист-

ративных округов), так как здесь имелось достаточно годных для обработки земель, особенно по берегам рек. Земледелие являлось главным занятием также подавляющего большинства вазирских желей¹⁰.

Вместе с тем, по данным, извлеченным муллою Алимуллой Пешавари из дафтара (налогового реестра) Пешаварского округа, даже в этом, одном из самых плодородных округов обрабатывалось всего 59% облагавшихся налогом земель¹¹.

Пуштуны выращивали пшеницу, ячмень, горох, кукурузу, просо, чечевицу, маш, баджру, кунзалах (масличное растение), шафтал, или шаршаму (разновидность клевера), табак, овощи, фрукты, а в таких более теплых районах, как Куррам, Точи, Сват, Дир, Зхоб, Бара, Хазара, Пешавар, также рис, сахарный тростник и хлопок. В горных районах преобладали пшеница и ячмень; на равнинах наряду с ними были распространены горох (преимущественно в Ванну), кукуруза (в Хазаре и Пешаваре), баджра (в Дераисмаилхане и Кохате).

Земледелие велось на поливных и богарных землях. Почвы горных районов были малоплодородны и к тому же располагались на крутых склонах гор; лишь в долинах рек Сват, Панджкор, Куррам, Бара, Базар, Точи и Зхоб почвы были относительно плодородными и давали хороший урожай.

Пуштуны являлись весьма искусными и трудолюбивыми земледельцами и стремились обработать каждый клочок земли, пригодный для выращивания злаков. Кроме того, пуштуны (как равнинные, так и горные) были большими мастерами искусственного орошения, используя для этого воды природных и искусственных водоемов. Каналы обычно прорывались от рек или родника до орошаемого поля. Часто их приходилось вести по крутым склонам гор на высоких карнизах на протяжении нескольких километров. Однако, несмотря на трудоемкую и сложную систему орошения, состоявшую из каналов, кяризов и колодцев, урожай в значительной степени зависел от выпадавших осадков. Даже в равнинных административных округах 72% обрабатываемых земель зависело от выпадавших дождей¹².

Пуштуны сеяли озимые и яровые культуры. Почва вспахивалась, как и во всех других частях Центральной Азии, деревянным плугом — омачом, в большинстве случаев (особенно там, где земля поддавалась легкой обработке) без железного наконечника. Посев осуществлялся вручную. Жали также вручную, серпом. Молотьба производилась при помощи волов. Мололи зерно на водяных и ручных мельницах.

Садоводство было развито главным образом в долинах Пешавара, Свата, Кухистана, а также в Дире. Выращивали сливы, персики, абрикосы, виноград, айву, груши, гранаты, инжир и шелковицу¹³.

Пуштуны горных районов выращивали кроме того картофель, особенно в Вазиристане, Тирахе и на землях горных момандов, который потом вывозился в долины.

Важную роль в хозяйственной жизни всех пуштунских племен играло животноводство. В равнинных районах разводили главным образом крупный рогатый скот — быков, волов, коров, буйволов, а из верховых и вьючных животных — верблюдов, лошадей, мулов и ослов. Горные племена занимались разведением мелкого рогатого скота — овец и коз. Только в Свате, Сватском Кухистане, Дире и Баджауре разводились преимущественно коровы (волы) и буйволы, а из вьючных животных — мулы. Волы и буйволы использовались для целей транспорта¹⁴.

Как свидетельствуют источники, среди восточных пуштунов не было ни одного племени, которое занималось бы только скотоводством. Даже кочевники (кучи), обитавшие на северных склонах гор Холта, тянувшихся вдоль левого берега р.Зхоб, перед тем как отправиться на летовку в Афганистан засеивали поля; вернувшись осенью, они сперва собирали жатву, а потом уже отправлялись на зимовку в долину р.Инд¹⁵.

По роду занятий и их роли в хозяйственной жизни полуземледельцами-полускотоведами были также жители Верхнего Свата, африди Хайбера, некоторые хели таких крупных племен, как какар, моманд, оракзаи, тури и вазиры¹⁶.

Важную роль в жизни восточных пуштунов играли ремесленное производство и домашние промыслы. Наибольшее распространение имели: вышивка тканей, изготовление шапок, туфель и вееров в районах Пешавара, Кохата и Дераисмаилхана; отделка и окраска тканей, производство ковров в Хазаре и Кохате; производство глиняной посуды в районах Пешавара и Банну; производство столярных изделий в долине Пешавара.

У горных пуштунов было распространено изготовление огнестрельного и холодного оружия, пороха и патронов. Эти ремесла были широко распространены в Вазиристане, в Баджауре и Дире, у оракзаев и африди, у которых было развито также производство красителей. В Дире, Баджауре и Вазиристане занимались выплавкой железа и мыловарением. Выработка шелковых тканей имела место в Курраме и Дире, шер-

стяных шарфов и одеял – в Верхнем Свате, матрацев и мешков – в Вазиристане¹⁷.

На основе исследований В.А.Ромодина можно сделать вывод, что у юсуфзаев еще в первой половине XIX в. завершилось отделение ремесла от сельского хозяйства и кое-где даже возникла известная специализация кустарного производства¹⁸; аналогичные процессы наблюдались у оракзаев¹⁹. К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов, позволяющих выявить в деталях ход этого процесса у других пуштунских племен. Вместе с тем даже имеющиеся источники свидетельствуют, что к середине XIX в. многие виды ремесленного производства находились уже в руках пуштунов – полноправных членов племени, а не только чужаков (хамсая) – выходцев из Индии. Так, мыловарение в Дире и производство грубых тканей и плетение циновки и веревок в землях африди, вазиров и момандов было занятием самих пуштунов. Известно, что даже часовщики у какаров были из числа членов этого племени. У хаттаков были свои плотники, кузнецы и сапожники; эти ремесленники однажды даже подняли восстание против своего хана, обложившего их тяжелым налогом. В Дире ремесленные мастерские – ювелирные и красильные – принадлежали тамошним пуштунам²⁰.

Важную роль в экономике восточных пуштунов играла торговля, прежде всего транзитная, которой способствовало удобное географическое положение их земель. У некоторых племен, известных под собирательным именем "повинда", транзитная торговля являлась даже одним из главных занятий²¹.

Пуштуны тех районов, через которые пролегли караванные пути, обычно привозили свои товары на продажу в перевалочные пункты или небольшие торговые центры, возникшие на этих путях.

Купцы из Индии, Афганистана, Средней Азии и Ирана, а также повинда привозили как горным, так и долинным восточным пуштунам имевшие у них большой спрос чай, соль, нитки, иглы, сахар, табак, женские украшения и другие товары.

Сильнее других были втянуты в торговлю равнинные племена, а среди горных – те, чьи земли лежали на караванных путях или в пограничных областях. В удаленных горных районах торговля была развита слабо; крупные торговые центры здесь отсутствовали. Так, самым значительным торговым центром на территории племени моманд было селение – резиденция хана Лалпура, – в котором имелось 120 лавок, а в Зиарате, крупнейшем селении илиасзаев (клан племени юсуфзаи), имелось всего 50 лавок.

Как свидетельствуют источники, рынки Пешавара и Дераисмаилхана, расположенных на равнинах, в середине XIX в. были уже центрами не только транзитной торговли: сюда привозили товары из Афганистана, Индии, Ирана, Центральной Азии (например, из Кашгара ввозили кашгарскую верхнюю одежду, а в обмен вывозили зерно²²). Они превратились к этому времени в центры местного рынка как для равнинных, так и для горных пуштунов. Например, на рынок Пешавара пшеница и соль поступали из Кохата; рис, пшеница, гхи (масло), шали — из Свата; растительное масло — от равнинных юсуфзаев; гхи, железо, зерно, кожа — из Баджаура и Дира; топливо и строительный лес — от африди. В этом городе каждое восточнопуштунское племя имело свой караван-сарай. Рынок Банну являлся центром местной торговли для баннучи, вазиров, марватов, точивалов (т.е. жителей Точи), хаттаков и других равнинных и горных племен. Сюда для продажи и обмена они пригоняли лошадей, баранов, коз, крупный рогатый скот, привозили овощи и топливо. На рынках Дераисмаил-хана можно было увидеть представителей почти всех восточнопуштунских племен этого края и соседних с ним горных областей²³.

Из горных районов на рынки Хаштнагара, где проживали мухаммадзаи, привозили кустарные изделия: шерстяные шарфы, циновки, веревки, фитильные ружья, мечи, ножи, топливо (древесный уголь и дрова), необработанные кожи, шерсть, шкуры, железо, строевой лес, топленое масло, мед, табак, шелк.

Горные племена пригоняли в долины на обмен и продажу коров, буйволов, верблюдов, баранов и коз, доставляли продукты животноводства. Взамен они приобретали там ткани, хлопок, соль, сахар, чай, нитки, иглы, индиго, медную и бронзовую посуду, зерно²⁴

Как свидетельствуют источники, особенно оживленный обмен и торговлю со своими равнинными соплеменниками и другими племенами вели юсуфзаи Свата, Дира, Бунера, племена Баджаура, а также кака-ры. Вместе с тем известно, что утман-хель, африди, вазир и оракзаи привозили на обмен и продажу только излишки, с тем чтобы приобрести необходимые вещи²⁵. Известно также, что моманды, шира-ни, кроме топлива, строевого леса, циновок и веревок, больше ничего на рынки не привозили²⁶.

Следует отметить, что восточнопуштунские племена, обитавшие вблизи границы Афганистана и Белуджистана, доставляли свои товары на рынки Лам-гана, Джалалабада, Газни, Кабула, Кандагара и Ка-лата.

Таким образом, имеющиеся в источниках данные показывают, что занятие торговлей, как и ремеслом, было в районах расселения восточных пуштунов делом не только непуштунского населения; какары, например, занимались земледелием и скотоводством в соединении с торговлей. То же можно сказать и о вазирах и хаттаках²⁸. Мулла Алим-Уллах во время своего посещения Бунера, Свата, Дира и Баджаура встретил здесь хаттакских торговцев, доставивших соль, ткани, хлопок. Уезжая, они увозили с собой зерно, гхи, медь, рис и другую продукцию местного производства²⁹. О своих встречах с хаттаками, торгующими солью в Верхнем Свате и Кухистане, писал и Х.Г.Раверти³⁰.

Торговлей у вазиров занимались главным образом махсуд-вазиры, которые вели торговлю между Вази-ристаном и Банну и Дераисма-илханом. Они привозили сюда железо, лес и вывозили зерно, ткани и другие необходимые им товары³¹.

Мелкой меновой торговлей солью, лесом и топливом с соседними племенами, а также с Пешаваром и Кохатом занимались все кланы африди, за исключением закка-хель³².

К концу XIX в. из среды восточных пуштунов выделилась группа торговцев, сосредоточивших в своих руках всю контрабандную торговлю оружием.

Лишь у некоторых восточнопуштунских племен в середине – второй половине XIX в. торговля была занятием преимущественно непуштунского населения (хинджи, ормури и таджиков). По материалам источников, к числу таких племен относились равнинные пуштуны (за исключением хаттаков), а из горных – юсуфзаи, моманды, дауры, племена Куррама и частично оракзаи. Но даже у этих племен были свои торговцы и купцы³³.

Английские колонизаторы, овладев после завоевания Панджаба в 1849г. правобережьем Инда и в последующие годы развернув агрессию против горных восточных пуштунов, нарушили складывавшиеся до их прихода торговые и экономические отношения как между равнинными племенами, так и между ними и горными пуштунами. Колонизаторы всемерно подрывали связи между равнинными и горными племенами, подчинив их развитие целям своей завоевательной политики.

Вместе с тем было бы неверным преувеличивать степень развития у восточных пуштунов в середине – второй половине XIX в. торгово-денежных отношений и существовавших между различными группами племен экономических связей.

И в горных районах и даже на равнинах господствовало натуральное хозяйство. Преобладал продуктообмен, торговля носила преимущественно меновой характер: товары менялись на товары. Правда, на территории Дира и Баджаура торговля в значительной мере осуществлялась на деньги³⁴. Здесь были в обиходе свои меры весов (сир)³⁵, имела хождение ге-ратская рупия старой чеканки, а после завоевания правобережья Инда Англией – англо-индийская рупия.

У некоторых племен была своя мера веса, которая равнялась 3/4 дирского сира. В горных районах имели хождение кабульская и англо-индийская рупия, а также иранский кран, но они в основном играли роль счетного эквивалента. Хозяйство горных пуштунов даже в конце XIX в. оставалось преимущественно натуральным, а торговля была меновой³⁶.

Вместе с тем к концу XIX – началу XX в. в уровнях развития восточных пуштунов, живших на равнине (в административных округах) и в горах, начали появляться существенные различия. Товарно-денежные отношения у восточных пуштунских племен административных округов развивались гораздо быстрее и достигли к началу XX в. более высокой степени зрелости. Этому содействовала вся направленность социально-экономической политики колонизаторов (о которой будет сказано ниже).

Хозяйство у горных племен носило замкнутый, натуральный характер, а торговля – преимущественно меновой. Торговля с внешним миром была развита слабо. Среди горных пуштунов большое пространство получило отходничество. Ежегодно сотни и тысячи мужчин – утман-хель, момандов, юсуфзаев, африди, биттани, ширани, вазиров – уходили на заработки в административные округа на правобережье Инда и в далекую Британскую Индию. Это отходничество объяснялось главным образом чрезвычайной бедностью племен, отсутствием достаточного количества земли. Отчасти оно было связано также с начавшимся классовым и социальным расслоением среди племен.

В административных округах и в Британской Индии отходники нанимались пастухами, батраками и чернорабочими к местным феодалам и богатым крестьянам, а некоторые арендовали земли у пуштунских и индийских помещиков. Отходники-моманды постепенно оседали на землях помещиков Хаштнагара и Мардана в Пешаварском округе как постоянные арендаторы. В результате в настоящее время в этих районах проживает больше момандов, чем в собственно Момандском агентстве.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Проблемы социально-экономического строя пуштунов (включая и восточнопуштунские племена) в интересующую нас эпоху уже были предметом специального изучения как советских, так и некоторых зарубежных ученых³⁷.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники убедительно свидетельствуют, что для социального строя восточных пуштунов были характерны пестрота и многоукладность.

Хотя в целом социально-экономический и общественный строй восточных пуштунов в рассматриваемый период (т.е. во второй половине XIX — начале XXв.) может быть охарактеризован как феодальный, в силу неравномерности развития отдельных районов занимаемой ими территории феодальные отношения были в разной степени отягощены значительными пережитками родо-племенных традиций, форм общественного устройства и быта.

Как отмечал Ю.В.Ганковский, пуштунские племена в рассматриваемую нами эпоху не были кровнородственными коллективами, а представляли собой своеобразные пережиточные общности, бытующие в рамках сложившихся феодальных народностей. Устойчивости и сохранению этих пережиточных общностей способствовали многие обстоятельства, среди которых важнейшим, как представляется, была заинтересованность эксплуататорской верхушки восточнопуштунских племен в консервации традиций родо-племенного быта, поскольку они маскировали классовые противоречия и давали возможность использовать ополчения боеспособных мужчин племени как орудие завоевательных предприятий. В определенной степени в сохранении родо-племенных пережитков были заинтересованы и рядовые пуштуны, так как в условиях отсутствия восточнопуштунской государственности эти пережитки давали им определенную защиту от грабительских посягательств правителей соседних феодальных государств и английских колонизаторов.

В удаленных горных районах феодальные отношения складывались и развивались медленнее, а пережитки родо-племенных отношений сохраняли большую силу и устойчивость. В равнинных округах, находившихся с 1849г. под непосредственным управлением колонизаторов, эти пережитки изживались гораздо быстрее; к началу первой мировой войны здесь (например, в Пешаваре или Мардане) они в значительной степени уже ушли в прошлое. Более того, в первые десятилетия —

тия нашего века в равнинных округах началось формирование нового, капиталистического уклада.

Каждое племя восточных пуштунов занимало территорию, границы которой были обычно строго определены; на ней располагались селения, укрепленные замки (кала), пахотные земли и пастбища.

В середине – второй половине XIX в. крестьянская или деревенская община восточнопуштунских племен представляла собой сочетание нескольких родовых общин. В деревне обычно проживало несколько родов, каждый из которых имел своего старейшину (спин-жерая или малика), мечеть с имамом, худж-ру и укрепленную башню (бурдж), служившую общим убежищем членам рода в случае нападения³⁸.

Все дела деревни (или общины) решались деревенской джиргой, состоящей из старейшин (мирананов, ришсафедов или спин-жераев и маликов)³⁹. Поскольку малики находились в подчинении у хана племени или клана, то они информировали его о принятых на джирге решениях и получали от него соответствующие указания⁴⁰.

Общинная земля ("шамилат") – пастбища, пустоши и леса – считалась собственностью общины, т.е. принадлежала всем ее членам. В совместном владении оставались и крупные магистральные каналы, но поступающая по ним вода и мелкие оросительные сооружения являлись частной собственностью. Общинники совместно трудились над сооружением и ремонтом крупных ирригационных сетей, прокладыванием дорог, строительством оборонительных укреплений (бурджей и кала).

Коллективная обработка земли у племен отсутствовала, каждая семья сама обрабатывала свой участок. У вазиров каждый возделываемый участок земли носил определенное название, обычно это было имя клана или рода или же обрабатывающей его семьи. Скот всегда был частной собственностью.

У горных племен (юсуфзаев Свата и Бунера, вазиров, утман-хель, какаров и др.) периодически производился передел всей земли ("веш")⁴¹. Однако к концу XIX в., по свидетельству источников, в некоторых районах, даже в Вазиристане, кроме земельных наделов, подлежащих обмену и переделу, появились также и амлаки (т.е. имения).

В административных округах обычай "веш" к концу XIX в. сохранялся только у марватов, лоханийских племен Дамана и юсуфзаев; однако и у этих племен он доживал последние годы. В большинстве случаев земля и вода стали уже частной собственностью, которую продавали, дарили и закладывали⁴².

И даже там, где обычай периодических переделов земли еще сохранился, сущность его коренным образом изменилась. Так, у юсуфзаев и марватов на смену "жула веш", т.е. переделу земли по душам или по численности членов клана или рода, повсеместно приходит система "бадлюн веш", при которой каждый получал хотя и в другом месте но точно такой же по размерам участок земли, какой ему принадлежал до передела. Иными словами, сохранялось сложившееся имущественное неравенство ⁴³.

Община имела собственных общинных ремесленников и слуг. Часть из них в качестве платы за труд наделялась участками земли (с правом передачи их по наследству), но в большинстве случаев он оплачивался натурой и деньгами ⁴⁴. Не исключено, что приводимая ниже выдержка из английского справочника 1884 г. относится именно к этой категории ремесленников: "Они обычно не имеют права собственности на землю, а арендуют свои хижины, а также клочки земли у владельцев-пуштунов; как правило, никто из них не может полностью обеспечить собственное существование своей профессиональной деятельностью, поскольку спрос на их услуги незначителен, а доход слишком мал, чтобы прокормить семью" ⁴⁵.

По данным Пеннела, у равнинных племен хиндки торговцы и лавочники, обслуживающие пуштунскую общину, назывались "вассалами" (хамсая). Каждый торговец или лавочник имел своего индивидуального покровителя (малика), который за оказываемые ему услуги гарантировал безопасность торговца, защищая в случае необходимости или мстя обидчику ⁴⁶.

Ремесленники и слуги хамсая жили эндогамными группами. Они платили хану племени подушный налог, различные сборы (например, со свадьбы, процент с торгового оборота).

Племена состояли из полноправных членов и неполноправных, т.е. зависимых (хамсая или факиров). К полноправным относились родо-племенная верхушка (ханы, райисы, арбабы, малики) и свободные воины-общинники — владельцы земли, обрабатывавшие земельные наделы трудом личным и членов своей семьи либо сдававшие землю в аренду хамсая или факирам. Мусульманские богословы (муллы, сеиды, ажуны) обычно в родо-племенную структуру не включались.

Автор "Сирадж ат-таварих", говоря о племенной верхушке, обычно называет ее членов "бузургами" ("бузург" буквально значит "великий").

Как показали исследования И.М.Рейснера, (О.В. Ганковского, В.А.Ромодина и некоторых других советских востоковедов, превращение знати восточ-

нопуштунских племен в сословие феодалов происходило путем: превращения занимаемых ими в пуштунском обществе должностей из выборных в наследственные; изъятия из системы "веша" предоставленных им наделов и превращения их в наследственную собственность; экспроприации земель непуштунского (а частично и пуштунского) крестьянства; сосредоточения под их опекой массы обедневших свободных членов племени, а также выходцев из административных округов (хамсая); присвоения ими сборов и налогов с хамсая, ранее поступавших всему племени; присвоения сборов со свободных общинников, которые ранее шли на общественные нужды; присвоения львиной доли субсидий, отпускаемых английскими властями племенам; присвоения пошлин и сборов с купцов и торговцев; захвата земельных пожалований и субсидий, предоставляемых племенам эмирами Кабула.

Сосредоточение в руках ханов и маликов восточ-нопуштунских племен (а также верхушки сословия мусульманских богословов) земель, источников воды и скота явилось экономической основой превращения их в привилегированное сословие эксплуататоров-феодалов.

В равнинных административных округах к концу XIX в. родо-племенное деление пуштунских племен (мухаммадзай, гигиани, халил, даудзай, утман-хель, хаттак, бангаш, баннучи, марват, гандапур, устара-ни, бабар и др.) хотя и сохранилось (оно существует и в настоящее время), но наполнилось новым содержанием. Родо-племенные подразделения превратились по существу в территориальные единицы; более того, даже названия некоторых из этих родо-племенных подразделений стали названиями низших административных единиц ("паргана" или "тахсил"). Что же касается ханов равнинных пуштунов, то там, где они по воле или с согласия колонизаторов сохранили власть над своими соплеменниками, это уже была власть правителя определенной (обычно небольшой) территории, являвшейся низшей административной единицей или звеном в структуре колониального управления. Так, было, например, у хаттаков или восточнопуштунских племен Пешаварского округа. При этом в равнинных административных округах хотя и медленно, но происходил процесс смешения людей различных кланов либо родов того или иного племени или же нескольких племен.

У наиболее развитых в социальном отношении племен (например, у юсуфзаев, момандов, какаров, африди) ханская власть была узурпирована и сосредото-

точена в так называемом ханском роде ("хан-хель" или "сардар-хель").

Главы племен и хелей равнинных округов носили присвоенные им или полученные от правителя соседних феодальных государств титулы: хан, сарфараз-хан, наваб, сардар, арбаб. Наиболее почетным и распространенным был титул хана. Однако не все ханы равнинных племен принадлежали к родовой знати и являлись представителями наследственных ханских домов. Это относится, например, к таппа-маликам баннучей. Эдвардс пишет, что они "не унаследовали власти, а сами добились ее. Главой талпа становился либо крупный землевладелец именно потому, что он являлся таковым, либо мудрейший в совете, либо располагавший значительной военной силой. Таппа-малик обязан своим возвышением не праву или происхождению, а влиянию, которым он обладает. Вероятно, поэтому вождей в Банну зовут не ханами, а просто маликами, что означает "господин". Но, раз достигнув этого положения, они пользуются той же властью, что и ханы у других племен"⁴⁷.

Среди ханов равнинных племен, принадлежавших к аристократическим родам и передававших свою власть по наследству, источники называют, например, ханов из рода апо-хель у хаттаков или из рода катта-хель у племени даулат-хель⁴⁸. Наследственной была должность главы племени и всех его подразделений также у юсуфзаев Свата и Бунера, момандов, какаров, тури. Хань момандов имели личный домен; они собирали в свою пользу налоги с зависимого населения. Такими же правами обладали юсуфзайские ханы.

У равнинных пуштунов, так же как, например, у хазарейцев Афганистана, к середине XIX в. сложилась и существовала своеобразная феодальная лестница⁴⁹. На ее верхних ступенях стояли ханы крупных племен (своего рода феодальные удельные князья) ниже — главы кланов и родов, которые обычно носили титулы малика или райиса (эти феодалы, хотя и пользовались внутри своих подразделений достаточно большой властью, в общеплеменных вопросах, касавшихся всего удела-княжества, выполняли волю хана племени, который фактически был их феодальным сюзереном)⁵⁰.

Ханы равнинных пуштунов имели значительные — земельные владения, которые систематически расширялись ими как путем захвата общественных земель (шамилатов) и пустырей (майра), так и посредством покупки или захвата наделов у рядовых членов племени (заминдаров) или земель у более слабых соседних племен и кланов. Земли ханов обрабатывались

трудом крестьян-арендаторов, получавших от 1/3 до 1/6 урожая ⁵¹.

Хан с каждого подвластного ему заминдара взимал в свою пользу натурой или деньгами поземельный налог (до 1/3 урожая), налог с крупного рогатого скота и, кроме того, различные единовременные сборы; например, вступающий в брак платил налог "бакраи", который собирался как с членов племени, так и с хамсая, проживавших в его уделе. Последних хан облагал и другими сборами. Хан собирал также транзитную пошлину с проходивших через его владения торговых караванов ⁵².

Некоторые ханы, например у баннучей, сбор налогов отдавали на откуп местным индийским банкирам-ростовщикам ⁵³.

У равнинных юсуфзаев хан требовал уплаты ему налога только с зависимых - факиров. Правда, некоторые их ханы с помощью завоевателей (до 1849г. - сикхов, позже - англичан) собирали налоги и с рядовых общинников - как в свою пользу, так и в пользу их сюзеренов. ⁵⁴

У хаттакских ханов важным источником дохода были сборы с крупных соляных копей, находившихся в их владениях. Соль вывозилась во многие области Северо-Западной Индии и Афганистана, причем с каждого вьюка, погруженного на осла, в пользу ханов взималось 8 пайсов ⁵⁵. Сбор этого налога обычно отдавался на откуп влиятельным маликам, которые оставляли себе от 1/4 до 1/2 собранного налога.

Захватив равнинные территории на правом берегу Инда, английские колонизаторы, как правило, сохраняли за ханами пуштунских племен земли, пожалованные им ранее в джагир садозайскими шахами или сикхами ⁵⁶.

Свое высокое положение ханы стремились подчеркнуть богатством одежды, утвари и домашней обстановки. Проживали они в собственных замках, в которых содержали нескольких жен. Только они могли позволить себе часто употреблять мясо и рис. Те или иные события отмечались ими с подчеркнутой роскошью. Так, если свадьба рядовому члену племени обходилась в 100-120 рупий, то хан, арбаб или другое знатное лицо тратили на нее до 3 тыс. рупий, с тем чтобы продемонстрировать свою знатность и богатство ⁵⁷. Ханы имели многочисленных слуг (а юсуфзайские ханы еще и рабов), которые обслуживали двор хана, возделывали его поля и пасли скот ⁵⁸.

Хотя, как говорилось выше, власть ханов и маликов у равнинных племен обычно была наследственной, однако, поскольку твердо установленного порядка наследования не существовало, власть хана

часто была объектом кровавой борьбы как среди членов самого "хан-хеля", так и между последними и их вассалами-маликами⁵⁹.

В управлении уделом хану помогали его наибы (заместители) и мунши (секретари)⁶⁰. Чаще всего функции секретарей и казначеев хана выполняли индусы. Правление ханов обычно носило неограниченный, порой даже весьма жестокий характер. Там, где еще проводились джирги племен, их решение, как правило, соответствовало воле хана⁶¹.

Некоторые ханы вели в своих владениях значительное строительство, ремонтировали и возводили новые кала, расширяли ирригационную сеть⁶².

Власть ханов большинства равнинных племен над рядовыми пуштунами, а также и над местным непуштунским населением весьма укрепляло то обстоятельство, что они представляли на своих территориях верховную власть — сначала Великих Моголов, затем Надир-шаха Афшара, шахов Дуррани, позднее сикхов и, наконец, англичан. Верховная власть наделяла их определенными государственными функциями, в частности на них возлагалось взимание дани и налогов, они отвечали за явку на войну рядовых членов племени и т.п.⁶³.

Конечно, все это содействовало укреплению влияния и власти ханов и других представителей пуштунской аристократии.

Ханы и малики юсуфзаев, момандов, какаров, тури и некоторых других племен уже в начале XIX в. имели хорошо вооруженное личное войско; у вазиров же, оракзаев и ширани ханы и малики завели его гораздо позднее.

Численность этих войск ханов зависела от их богатства, могущества и силы. Некоторые из них имели до 3 тыс. воинов, конных и пеших, иногда несколько пушек. Воины этих формирований не принимали участия в производительной деятельности. Они содержались за счет части совокупной феодальной ренты, собираемой с зависимого населения. Как свидетельствуют источники, собственной вооруженной силой располагал каждый юсуфзайский хан. В большинстве случаев воины находились на денежном содержании, получая 3 рупии в месяц⁶⁴. Иногда они наделялись участками земли.

У вазиров наибольшим влиянием пользовались "великие малики", или сардары, стоявшие во главе крупных хелей племени. Они принадлежали к родовой знати, выделялись своим богатством и влиянием. Великий малик вел переговоры с противником; по его предложению джирга маликов согласовывала со своими хелями решения об объявлении войны и заключе-

нии мира. Он же улаживал на джирге маликов споры между отдельными вазирскими хелями. Однако даже великий малик (не говоря уже о маликах меньших подразделений племени и старостах отдельных дере-зень) ничего не мог решить самостоятельно, в обход джирги маликов. Более того, за попытку действовать против воли племени его могли сместить и избрать другого малика. Таким образом, власть великого малика была ограничена собранием маликов хелей (джиргой маликов)⁶⁵.

Ниже великого малика по своему общественному положению, влиянию и богатству стояли многочисленные малики кланов и родов племени. Особенно многочисленны были малики среди махсуд-вазирова. Маликами у них избирались люди, отличавшиеся не только богатством, но и благочестивым образом жизни⁶⁶. Все имеющиеся источники сходятся в том, что вазирские малики всех рангов пользовались весьма ограниченной властью над своими соплеменниками и в случае недостойного поведения могли быть переизбраны⁶⁷.

Несмотря на это, место малика у вазиров давало важное положение в обществе и влияние, и потому за него всегда шла борьба⁶⁸. Английские колониальные власти после 1849г. стремились использовать влияние вазирских маликов для подчинения Вазиристана. Они часто субсидировали их и прилагали другие усилия, чтобы упрочить власть маликов над рядовыми вазирами.

От свободных вазиров своего хеля малики не получали ничего, за исключением добровольного приношения, известного как нанхури (буквально "хлеб на пропитание")⁶⁹. И подавляющее большинство их сами обрабатывали свои земельные наделы.

Подобно вазирским маликам, сравнительно небольшую власть имели вожди (ханы, нека, мутабары) племени ширани. Как указывают источники, социально-экономический и политический строй ширани являлся весьма схожим с существовавшим у вазиров⁷⁰.

Такое же положение было характерно и для хелей африди. Как отмечали английские наблюдатели, "африди неохотно подчиняются своим главарям. Каждый действует сам по себе и выказывает свою самостоятельность, что часто ведет к кровопролитию"⁷¹. Власть маликов у африди, так же как у вазиров и ширани, не была наследственной. Вместе с тем родовая знать африди владела значительными землями и большими стадами скота. Главам некоторых хелей (например, адам-хель) большие доходы приносила торговля лесом и лесоматериалами: за доску длиной 7-8 м и шириной в полметра брали

7 рупий. Те же хели африди, на территории которых находится знаменитый Хайберский проход, имели относительно стабильный источник дохода за счет пошлин, взимаемых с торговых караванов и отдельных путников. До 1879г. африди получали от эмиров Кабула, а затем от англо-индийских властей до 100 тыс. рупий в год за обеспечение безопасности движения через этот проход.

"Сирадж ат-таварих" верхушку африди делит на две группы: айянов (вельмож, аристократов) и бузургов (просто знатных); а английские источники называют их всех "дворянами"⁷². И те и другие жили в собственных кала. Из их среды избирались главы хелей. Так, некий Амин-хан, наиболее состоятельный среди знатных людей куки-хель, был избран на джирге маликом хеля. Он воспользовался своим положением и присвоил значительную сумму, ежегодно предоставляемую хелю английскими властями в виде субсидии. Более того, отец Амин-хана только за четыре года пребывания сына во главе хеля сумел Собрать со своих соплеменников от 30 тыс. до 40 тыс. рупий – сумму, весьма значительную⁷³.

К 80-м годам XIX в. среди африди выделились семьи маликов Хавас-хана и Вали Мухаммад-хана, оба из клана закка-хель. Они имели обширные земельные владения и другую крупную собственность в Пешавар-ском административном округе. Как писала английская пресса, Хавас-хан и Вали Мухаммад-хан "получали львиную долю из субсидий, выдаваемых африди Хайберского прохода, и владели землями, которые приносили им значительный доход"⁷⁴.

Малики африди могли от своего имени вести переговоры с противниками племени и даже подписывать соответствующие соглашения. При этом в тексте их указывалось, что обязательства, принимаемые маликами по данному соглашению, берутся ими от своего имени лично и от имени джирги хеля.

Судя по сведениям, содержащимся в источниках, у племени оракзаев некоторые хели не имели малика, а если он выбирался, то не надолго. Маликом мог быть избран лишь пользующийся наибольшим доверием членов хеля и имевший у них наибольшее влияние⁷⁵. У этого племени все важные вопросы, в том числе ведение переговоров и заключение соглашений с противником, являлись делом джирги хеля.

У оракзаев только некоторые хели (например, султанзаи), обитавшие на равнинах Кохатского округа, в долине Миранзаи, имели наследственных маликов. Жили они в собственных кала, содержали личную дружину, а некоторые имели даже артиллерию.

В период существования державы Дуррани и позже,

вплоть до завоевания правобережья Инда Англией, эти малики служили правителям Кабула, получая от них джагиры и денежные субсидии от 22 тыс. до 25 тыс. рупий в год⁷⁶.

Главы юсуфзайских хелей (территория Свата, Бунера и Черной Горы) свою власть передавали по наследству. Во главе крупных кланов обычно стояли ханы и миры, а более мелких подразделений — малики, которые номинально подчинялись ханам и мирам. В Бунере значительной властью и влиянием пользовались мусульманские богословы⁷⁷. Хань и малики располагали также властью над зависимым населением, проживавшим на территории хеля. По отношению к этому населению они выступали как прямые эксплуататоры, полновластные феодалы, обладавшие силой принуждения. А по отношению к своим соплеменникам "хан и малик, по представлениям самих юсуфзаев, являлся прежде всего военным предводителем, вождем и военачальником, власть которого проявлялась на поле боя, в походах и военных предприятиях племени, клана или рода и заканчивалась при окончании этих предприятий"⁷⁸. Бунерские малики "командуют своими сородичами только в междоусобицах с соседними хелями"⁷⁹, писал мулла Алим-Уллах.

Вместе с тем некоторые юсуфзайские ханы, например у ранизаев и у горных утманзаев, имели право вести с противником переговоры и подписывать соглашения от имени своего хеля. Но ханы хелей Бунера и хасанзаев Черной Горы, а также некоторых хелей Свата этого права не имели, и договоры заключали джирга хеля или джирга маликов⁸⁰.

Некоторые юсуфзайские ханы и малики, как отмечалось выше, имели свои личные воинские отряды, состоявшие из пеших и конных воинов. Им платили жалованье как натурой, так и деньгами⁸¹.

Ханы и малики у юсуфзаев накапливали значительные богатства. Они владели большими стадами скота, получали доходы от торговли лесом и от сбора пошлин. Последние взимались в размере 3 шахи (шахи — 1/12 рупии) с каждого воза соли, 5 шахи с кипы хлопка, 5 шахи с меры масла, 6 шахи с рулона мануфактуры. Кроме того, они получали субсидию от англичан за обещание лояльности. Что касается их земельных наделов, то они даже в конце XIX в. еще не были изъяты из системы регулярных переделов земли. Это было сделано лишь в начале XX в., причем коснулось земель только крупных ханов и влиятельных мулл.

Следует отметить также, что некоторые бунерские и сватские ханы имели значительные наделы земель в административных округах Хазара и Пеша-

вар⁸². Эти земли были или куплены ими, или пожалованы им английскими властями в качестве джагира. Наконец, они владели по наследству большим числом рабов, которые являлись потомками обращенных в рабство военнопленных или рабов, купленных у жителей горных районов к северу от Кабула. Рабы обслуживали дворы ханов, обрабатывали их земли, пасли скот. Хотя социальный статус рабов был ниже хамсая или факиров, однако они находились все же в лучшем положении, чем проживавшие в юсуфзайских землях свободные (независимые) ремесленники-непуштуны⁸³.

Верхушка момандов состояла из наследственных ханов, райисов и арбабов племени. Ханами момандов обычно являлись правители определенных территориальных единиц, где могли обитать несколько подразделений племени; иначе говоря, они не были главами кланов, как у юсуфзаев. В 60-80-х годах XIX в. таких территориальных единиц, или районов, было четыре, а именно: Лалпур, Пандиали, Гашта и Чардех. Два последних охватывали западную часть момандских земель. Обычно лалпурские ханы выступали по отношению к остальным момандским ханам сюзеренами. Момандские ханы имели личные дружины, объявляли войну и заключали мир. В годы правления эмира Абдуррахман-хана (1880-1901) момандских ханов (бузургов или сархелей) назначали по ходатайству самих момандов; утверждались они или самим эмиром, или его сипахсаларом Гулам Хайдар-ханом Чархи⁸⁴.

Экономической основой власти, богатства и мощи момандских ханов были доходы с личных земельных владений, которые обрабатывались арендаторами за долю урожая. Они взимали в свою пользу поземельные налоги с зависимых и свободных момандов-землевладельцев, пошлины от лесосплава по р. Кабул и с торговых караванов (последняя пошлина только хану Лалпура ежегодно приносила 45 тыс. рупий). Кроме того, ханы получали от эмиров Кабула обширные джагиры в Джалалабадском округе Афганистана⁸⁵.

Бузурги и сархели также получали "содержание от народа", т.е. от свободных момандов⁸⁶.

В течение сорока лет (1829-1869) верховным ханом момандов был Саадат-хан, хан Лалпура. Он был вассалом баракзайских правителей Кабула, от которых ежегодно получал 12 тыс. рупий. В 1869 г. он был арестован эмиром Шер Али-ханом за неповиновение. После этого ханом момандов стал его сын Султан Мухаммад-хан, затем Мухаммад Шах-хан и Садык-хан, а также его сыновья. Во время второй англо-афганской войны (1878-1880), когда Кабул и Джала-

лабад были оккупированы английскими войсками, английские колониальные власти поставили во главе Лалпура Мухаммада Акбар-хана, единокровного брата Садык-хана. Тогда же во главе ханств Гошта и Чар-деха они поставили Азим-хана, из местной ханской семьи, который согласился служить завоевателям. В 1880 г. Мухаммад Акбар-хан обязался охранять участок дороги Пешавар—Хайбер—Кабул, проходивший по его территории, и удерживать момандов от участия в джихаде. За это английские власти обещали выплачивать ему субсидию, не вмешиваясь в управление ханством⁸⁷.

Таким образом, ханы момандов были фактически феодальными владьями территорий, которые уже не делились по племенному или клановому принципу. Однако после подписания соглашения 1893г. между Англией и Афганистаном и раздела между ними земель момандов существовавшее до того политическое устройство момандских ханств было разрушено, а сами эти ханства ликвидированы⁸⁸.

По своему экономическому и правовому положению весьма сходные с момандскими ханами позиции занимали какарские сардары и малики. Малик обычно являлся главой клана, а сардар мог быть или главой племени, или же правителем округа. Их место было наследственным⁸⁹. Относительно размеров их движимой и недвижимой собственности, а также налогов, взимаемых ими с подвластного населения, включая соплеменников и сородичей, в наших источниках сведений нет. Вместе с тем обычай "веш" продолжал существовать у какаров еще в начале XX в., имея, однако, у них свои характерные особенности. Так, 1/5 всей земли, подлежащей перераспределению, сразу же выделялась в исключительное пользование сардара. Ее обрабатывали арендаторы за долю урожая. Из оставшихся земель, которые делились между кланами на доли, называемые "шахе-кабила" (по количеству мужчин в каждом клане), часть выделялась маликам — главам каждого клана. Остальное распределялось поровну среди мужчин клана. Эти земли ка-кары-общинники или сдавали в аренду, или обрабатывали сами. Если в аренду другой общине сдавалась вся земля, выделенная клану, то доход с нее (бо-хар) делился равными долями между всеми мужчинами клана. Но никто, даже сардар, не имел права продать или заложить свой надел⁹⁰.

Таким образом, как свидетельствуют источники, хотя при распределении земли сардары и малики какаров пользовались значительными привилегиями, сама земля продолжала считаться собственностью всего племени.

Самым знатным, влиятельным и богатым представителем ханской верхушки какаров в 80-е годы XIX в. был сардар Шах Джехан-хан. Он стал ханом всей долины Эхоба, отняв это место у Шах Баз-хана, другого наследственного сардара какаров. Предки же Шах Баз-хана имели грамоту на "пади-шахство Эхоба" от самого Ахмад-шаха Дуррани (1747-1773). Шах Джехан-хан объявлял войну и заключал мир. Он мог лишить глав отдельных желей прав наследственного вождя. Вместе с тем он прислушивался к советам эмира Кабула. Подвластное население считало его человеком, ведущим образ жизни святого; верили даже, что он обладает силой чудотворца⁹¹.

Бузурги племени тури (райисы и малики) также получали власть по наследству. Райисом именовали правителя всего племени, маликом – обычно главу клана или рода, а иногда и старосту деревни⁹².

В конце XIX в. тури делились на две ветви: гарай и саргалла; райисом первой был Сеид Бадшах Гул, а второй – Мухаммад Нур-хан. Однако власть обоих была номинальной; по утверждению Дж.Г.Эллиота, тури недолго любили своих правителей⁹³.

На социальный и политический строй тури большое влияние оказало то обстоятельство, что с середины XVIII и до конца XIX в. они находились под властью феодальных правителей Афганистана – садозаев и баракзаев, а с 1892 г. – англичан. Так как значительная часть тури были шиитами, то они часто подвергались нападениям соседних суннитских племен. Поэтому, чтобы обеспечить свою безопасность, они искали защиты у правителей феодальных государств и признавали власть и садозаев и баракзаев, а позже и англичан. По той же причине они почти всегда оставались в стороне от антианглийских выступлений других пуштунских племен.

Многие бузурги племени тури шли на службу к правителям Афганистана⁹⁴. Дополнительно к доходам с недвижимого и движимого имущества, они получали еще часть налога, ежегодно вносимого тури правителям Кабула до 1892 г., а в последующие годы – английским колониальным властям. Правители Кабула взимали в год от 1 до 2 рупий с джероба земли (джероб – около 0,2 га), 3–8 рупий с каждого ремесленника и столько же в год с мельницы. Кроме того, взимался годовой подушный налог в размере 2–8 рупий с общинных слуг (парикмахеров, певцов и т.п.). 3–8 рупий платили совершеннолетние индийцы, проживавшие на землях тури. Взималась пошлина и со всего продаваемого мелкого и крупного рогатого скота⁹⁵.

СОСЛОВИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ

Все восточные пуштуны исповедуют ислам, причем подавляющая часть — ислам суннитского толка. Лишь племя тури, некоторые хели оракзаев Тираха, отдельные роды племени бангаш Верхнего Куррама и ширани, а также мани-хель африди — шииты.

В XIX в. практически в каждом селении восточных пуштунов была мечеть. У тури, кроме того, в каждой деревне имелась еще матамхана (дом траура), где каждый год в месяце мухаррам собирались жители деревни, чтобы почтить память имама Хусейна. Помимо деревенских мечетей имелись еще клановые мечети, где собирались на пятничную молитву (на-мази джума) и обсуждение религиозных и общеплеменных дел. У некоторых племен, например африди, пятничная мечеть одновременно являлась местом сбора общеплеменной джирги⁹⁶.

В каждом клане и племени имелся духовный (религиозный) руководитель, являвшийся высшим авторитетом в религиозных делах. Обычно он именовался "пир", иногда — "падишах".

Важным подразделением мусульманских богословов (улама или улемов) были муллы. Они имелись фактически у всех восточных пуштунов. Больше всего было их у момандов, таркалани Баджаура, утман-хель, африди, шильмани, муллагири, оракзаев и вазиров.

Как указывают источники, деревенский мулла не только пользовался большим влиянием и огромным уважением жителей, он являлся для них неотъемлемой частью жизни деревни. Мулла был необходим им при рождении ребенка и церемонии обрезания, во время помолвки, при бракосочетании и похоронах. Пять раз в день он призывал на молитву и руководил молитвой прихожан. У равнинных племен мулла имел даже право входить на женскую половину дома, куда никто из посторонних не допускался.

Мулла являлся также "табибом" (врачом) пуштунов; по их представлениям, если мулла приходил во время болезни, то не было необходимости вызывать врача.

От своих односельчан мулла получал определенное вознаграждение за оказываемые услуги, ибо (по убеждению правоверного мусульманина) "доа" — молитва, благословение муллы — может принести пользу лишь после соответствующего вознаграждения⁹⁷. Он был освобожден от уплаты налогов, дани и сборов. Кроме того, мулла получал в "дар" от племени надел земли, периодически подарки и подношения деньгами, скотом, зерном, одеждой и т.п. Он также получал "вазифу" — ежедневное пропитание лепешка-

ми и мукой. В качестве учителя деревенских школ при мечетях мулла имел и определенный доход от родителей своих учеников.

Мулла был изъят из сферы действия обычая кровной мести. Убийство же муллы, как и других представителей мусульманских богословов, у пуштунов считалось тягчайшим преступлением. Английские колониальные власти считались с авторитетом и влиянием мулл и, устанавливая контроль над землями восточных пуштунов, освобождали улемов от уплаты налогов ⁹⁸.

Во многих равнинных округах улемы собирали с рядовых членов племени – крестьян-скотоводов той деревни, где они жили, – 1/10 часть как с урожая, »так и со стада и, кроме того, были полностью освобождены от выполнения каких бы то ни было общественных работ. Наиболее влиятельные и богатые из них владели большими земельными угодьями (иногда пожалованными им шахами Дуррани, сикхами или английскими властями), передаваемыми по наследству, стадами овец, коз и коров. Жили они в укрепленных кала. В округе Банну, население которого в основном состояло из баннучей и марватов, 1/6 всех земель принадлежала богословам. Им также принадлежали 44 кала из 200, имевшихся в округе. Обширными землями в середине – второй половине XIX в. владели улемы и в стране юсуфзаев. Обрабатывали эти земли арендаторы, а в некоторых случаях на них бесплатно трудились "ищущие знания" муриды, послушники и ученики различных мусульманских шейхов.

Влияние и авторитет некоторых улемов не ограничивались территорией только их племени, а выходили далеко за ее пределы. Так, одним из самых влиятельных мусульманских богословов в конце XIX в. был мулла Певинда. Он родился в Банну, где провел свою юность. По неизвестным нам причинам он убил джамадара (полицейского чиновника), сидел в тюрьме, бежал к махсуд-вазирам и обосновался в Макине среди астанаи, подразделения шаби-хель ализаи. Вскоре Певинда был признан главным духовным лидером всего Вазиристана. Он имел большое число муридов как среди вазиров, так и среди других восточнопуштунских племен, живущих вокруг Вазиристана. Свыше 20 лет, с 1892 г. и до своей смерти в 1913г., он возглавлял освободительную антианглийскую борьбу вазиров.

Другим весьма влиятельным богословом был Наджм уд-Дин, он же мулла Адда, или Адда Шариф. В 1880 г., после того как сардар Абдуррахман-хан, став эмиром Афганистана, заключил соглашение с Англией, мулла Наджм уд-Дин, один из активных участников

антианглийской борьбы в годы второй англо-афганской войны, выступил против соглашения с "неверными". Этим он возбудил неудовольствие Абдуррахман-хана и в 1883 г. вынужден был покинуть его владения. Он поселился в селении Джаруби, в землях байзаев в Моманде, где и жил до своей смерти в 1902 г., оставаясь до последнего дня жизни непримиримым врагом английских колонизаторов. Последовательная и твердая антианглийская позиция, а также глубокое богословское образование сделали его одним из самых почитаемых религиозных лидеров региона". Особенно большим влиянием он пользовался среди момандов, баджаурцев, утман-хель, африди и оракзаев. По признанию Абдуррахман-хана, моманды и жители Джалалабадской области смотрели на Наджм уд-Дина как на своего пророка¹⁰⁰. Мури-ды шли к нему даже из Индии¹⁰¹.

Мулла Сеид Акбар Ахундзада был родом из земель африди, где он являлся главным муллой клана ака-хель в долине Варана. Так же как Певинда и Наджм уд-Дин, на протяжении всей своей жизни Сеид Акбар занимал активную антианглийскую позицию. В значительной степени благодаря ей муллы африди в 1905 г. торжественно избрали его своим главой (падишахом)¹⁰². Он пользовался также большим влиянием и авторитетом у оракзаев, среди которых имел много муридов.

Интересно отметить, что, по нашим источникам, у муллы Певинда, Наджм уд-Дина и Сеид Акбара не было никакой собственности, кроме дома для проживания. Главным, если не единственным источником их существования были пожертвования, поступающие от муридов.

В середине 90-х годов среди юсуфзаев приобрел чрезвычайно высокий авторитет и влияние, став фактически их религиозным вождем, мулла Саадулла-хан, сын бунерского малика. Известно, что он провел несколько лет в Аджмере (Индия) и вернулся в Бу-нер в 1895 г. Слава о его благочестивости скоро распространилась также в Свате и в Кухистане¹⁰³, а за свое религиозное рвение он получил от последователей титул "мастана".

Саадулла-хан был ярким врагом англичан. Он сыграл выдающуюся роль в подготовке и выступлении горных юсуфзаев во время восстания восточных пуштунов в 1897–1898 гг. Не исключено, что жители Верхнего Свата, среди которых он жил, учитывая его роль в освободительной борьбе, стали отдавать ему 1/10 о своих доходов¹⁰⁴. Однако в 1905 г. английской администрации удалось договориться со знатью

Верхнего Свата о прекращении выплаты ему упомянутой десятины.

Весьма влиятельной и вместе с тем самой многочисленной прослойкой сословия мусульманских богословов были сеиды, считавшиеся потомками пророка Мухаммада. Правда, имелись они лишь среди некоторых племен или хелей: у юсуфзаев (как горных, так и равнинных), ширани, тури, какаров, момандов, оракзаев, бангашей и в значительном числе среди дауров, биттани и махсуд-вазиров. В Пешаварском округе сеиды составляли почти 3% всего населения — 24 тыс. из 789 тыс.; в Дераисмаилхане их было 5 тыс., в округе Банну — 12 тыс., в округе Кохат — 8 тыс.¹⁰⁵. У момандов сеиды имели почетный титул "миан", удауров — "харсин", у биттани — "коти". Часто сеиды к своему имени добавляли "миан" или "шах".

На территории некоторых племен сеиды жили в отдельных поселениях, образуя эндогамные группы¹⁰⁶. В Пишине они делились на несколько хелей: шадизаи, хайдарзаи¹⁰⁷. С другими группами населения сеиды не смешивались. Они носили специальную одежду из белой ткани. Звание сеида передавалось по наследству.

Сеиды пользовались у пуштунов огромным почитанием; считалось, что сеиды благодаря своему происхождению обладают чудодейственной силой. У некоторых племен они выполняли функции духовных вождей и наставников. Часто сеиды выступали арбитрами в улаживании споров и ссор. Очень часто они играли роль посредников, поручителей и даже заложников в сношениях племен, среди которых они жили, с английскими колониальными властями¹⁰⁸.

Сеиды, подобно муллам, получали от племени земельные наделы и добровольные подношения.

Как свидетельствуют источники, по своему имущественному и общественному положению сеиды были неоднородны, делясь на главных и простых. Главные сеиды жили в собственных кала, окруженных домами простых сеидов. Земли главных — богатых — сеидов обрабатывали арендаторы, в числе которых были и простые сеиды¹⁰⁹.

Используя свое богатство и религиозный авторитет, отдельные сеиды и муллы иногда добивались и светской власти. Так, сеид Бадшах Гул соединял в своих руках духовную и светскую власть, будучи одновременно и райисом тури дремандаи. Мир Мадад-шах был пиром (духовным наставником) и главой аб-дул-азиз-хеля племени оракзаи. Сардар Сеид-шах был пиром и главой хеля исмаилзаи оракзаев. Такое же положение занимал мулла Ахмад у мулла-хеля

оракзаев ¹¹⁰. В Бунере деревня Зийарат, насчитывавшая 100 домов и 50 лавок, управлялась муллами Мианом Сеид Сарбаланд-шахом, Мианом Сеид Ахмад-шахом и Афзал-шахом. Миан Сеид Ахмад-шах одновременно управлял деревней Пулхан, хеля гудазаев ¹¹¹. Как пишут мулла Алим-Уллах и Эдвард Конолли, фактически всеми бунервали (т.е. жителями Бунера) управляли потомки (сахибзада) знаменитого святого Пир Баба, жившего в Бунере во времена правления Великого Могола Хумаюна (1530-1555) ¹¹².

Ахуны (ахун – "учитель", "духовный наставник") были особенно многочисленны среди племен юсуфзай и вазиров. Обычно там, где не было муллы, ахун выполнял его функции. Звание ахуна передавалось по наследству.

Конечно, не все видные улемы, пользовавшиеся авторитетом и властью у восточнопуштунских племен, стояли на антианглийских позициях. В сложившейся на правом берегу Инда после 1849 г. обстановке некоторые предпочитали сотрудничать с колониальными властями: один из страха за свои земельные владения, другие из-за стремления упрочить свое имущественное и политическое (социальное) положение, власть и влияние.

Из богословов, пошедших на сотрудничество с Англией, наиболее известен Абдул Гафур-хан (ум. в 1877 г.).

Ахун и бузург – духовный глава населения Свата, Абдул Гафур-хан по своему влиянию на верующих был равен шейх-уль-исламу в мусульманских феодальных государствах. Еще при жизни его почитали как святого. Он был самым крупным землевладельцем Свата, владевшим землями на территории каждого юсуфзай-ского хеля. Добровольные дары и подношения от верующих также текли рекой; только из Баджаура ежегодно ему присылали 6 тыс. рупий ¹¹³.

Абдул Гафур-хан пользовался огромным авторитетом не только среди юсуфзаев, но и среди почти всех других восточнопуштунских племен, а также жителей Юго-Восточного Афганистана. Так, его признавали своим духовным главой африди ¹¹⁴. Он давал предписания и рекомендации, касающиеся выполнения обрядов, боролся с обычаем кровной мести, стремился не допускать клановых и межплеменных столкновений, примирять враждующие стороны; улаживал в духе законов шариата индивидуальные и групповые споры; иногда успешно удерживал юсуфзаев от набегов на соседей ¹¹⁵.

После того как английские войска заняли правобережье Инда, Абдул Гафур-хан стал ориентироваться на англичан. Чтобы не ссориться с ними, он

выдворял из Свата тех пуштунов, которые искали здесь убежища от преследований английской полиции и жандармерии. Он осуждал любые антианглийские действия, а не следовавших его советам проклинал, называя "кафирами"¹¹⁶.

Правда, иногда, как, например, во время английской военной экспедиции в Бунер в 1863г., Абдул Гафур-хан поддерживал антианглийских повстанцев, но делал он это вынужденно, "так как боялся в противном случае потерять свое влияние среди племен"¹¹⁷. Кроме того, он подозревал, что Англия намеревается захватить не только Бунер, но и Сват, что несомненно угрожало его позициям.

После смерти Абдул Гафур-хана его старший сын Абдул Манан (он же Миан Гул) сразу же был вовлечен в борьбу за влияние в Свате с ханом Дира Рах-матулла-ханом. Лишь в 1883-1884 гг. ему удалось при помощи ханов Баджаура утвердить свое положение в Свате. Но вскоре он умер. Его брат Абдул Халик не претендовал на светскую власть. Однако внуки Абдул Гафур-хана, как писал У.Черчилль, "почитаются народом и англичанами ради их деда, который спит вечным сном в ореоле святости в Сайду, близ Малаканда"¹¹⁸. Они получали значительные доходы от пожертвований на мазар Абдул Гафур-хана и средств, поступавших от их муридов¹¹⁹.

В 1917г. один из потомков Абдул Гафур-хана, Миан Гул-шахзада, стал главой духовной и светской власти Свата. В годы его правления (1917-1947) Сват превратился в вассальное княжество, правитель которого взимал с населения налог в виде 1/10 урожая¹²⁰.

Кроме мулл, сеидов и ахундов важными группами в сословии мусульманских богословов были шейхи и так называемые ахунзада и сахибзада – потомки лиц, имевших при жизни репутацию святых. Каждый из них имел многочисленных муридов. Некоторые из ахунзада и сахибзада были духовными лидерами отдельных племен или населения определенных районов¹²¹. Другие, например, Алла Бахш Сахибзада, возглавляли ветви дервишских суфийских орденов. Как пишет В.А.Ромодин, те ахунзаде (или пирзада) и сахибзада, которые жили среди юсуфзаев, хотя по сану они стояли ниже сеидов, получали земли в дар от племени¹²².

Среди хаттаков особым почетом пользовались улемы – выходцы из факир-хеля и кака-хеля. Первые считали себя потомками старшего брата Хушхаль-хана, знаменитого пуштунского поэта и полководца, а вторые – почитаемого среди хаттаков шейха Ра-химкара, усыпальница которого находилась в 10 км

от Наушеры. Потомки Рахимкара пользовались благоговейным почитанием не только среди населения округа Кохат, но и далеко за его пределами, среди многих горных пуштунских племен. Эти племена часто приглашали их стать духовным главой племени¹²³.

Мазары духовных лидеров восточных пуштунов часто становились местом поклонения (зийаратгах). Крупнейшими зийаратгахами были могилы ахуна Абдул Гафур-хана в Свате, шейха Рахимкара в Хаттаке и Пир Бабы в Бунере. К мазарам шли паломники не только из пуштунских земель, но и из Северо-Западной Индии и многих мусульманских государств. Зийаратгах Пир Бабы обслуживало 400–500 человек. На время паломничества запрещались кровная месть и столкновения между племенами. Близ зийаратгахов шла бойкая торговля.

Таким образом, по свидетельствам источников, мусульманские богословы пользовались у восточных пуштунов огромным авторитетом и влиянием. Вместе с тем, если действия того или иного богослова наносили явный ущерб интересам племени, то он мог быть наказан (например, штрафом)¹²⁴.

КРЕСТЬЯНЕ. ХАМСАЯ И ФАКИРЫ

Эксплуатируемое класс-сословие феодального общества - крестьянство складывалось у восточных пуштунов из разорвавшихся свободных, ранее полноправных членов племени, из зависимых (хамсая), а также из рабов. В горных районах во второй половине XIX – начале XX в. ряды эксплуатируемых постоянно пополнялись за счет выходцев (беглецов) из административных округов, преследуемых английскими властями.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не дают, к сожалению, возможности выяснить во всех подробностях социальную структуру наиболее многочисленной части пуштунского населения, а именно класса-сословия пуштунских крестьян. Несомненно, что в ту эпоху большинство их еще состояло из земледельцев, ведущих свое хозяйство на собственных небольших участках земли, которые они обрабатывали лично или с помощью членов семьи. Имелись также и лица, арендовавшие землю на определенных условиях. У большинства племен они назывались "хамсая", а у юсуфзаев - "факирами"¹²⁵. Во второй половине XIX – начале XX в. в административных округах среди хамсая преобладали хиндки, а пуштунов было меньшинство.

У халилов и момандов Пешаварского округа (за исключением земель ханов и маликов, а также участ-

ков, расположенных вдали от деревень) земли обрабатывались их владельцами¹²⁶. Среди хаттаков округа Банну и Наушерского тахсила Пешаварского округа арендаторов почти не было: участки, пригодные для обработки, тянулись вдоль источников воды, и крестьяне — собственники земли обрабатывали их сами. Но так как земли было мало, то основным занятием этих хаттаков были скотоводство и торговля солью¹²⁷. Крестьяне-даудзай тоже сами возделывали свою землю¹²⁸, у гигиани Доаба преобладали арендаторы. Объяснялось это тем, что в эпоху Дур-рани многие земли здесь были отданы в джагир знатным сардарам, которые силой лишили крестьян-собственников их наделов¹²⁹.

В то же время у марватов эти крестьяне сохранили свои наделы, обычный размер которых составлял около 2,4 га, однако на их территории в конце XIX в. было также около 800 арендаторов с наследственными правами на обрабатываемые участки; как отмечают английские источники, в большинстве своем они принадлежали к племени марватов. Но были и арендаторы, не имевшие никаких прав на обрабатываемые земли. Большинство их были панджабцы — джаты¹³⁰. Вместе с белуджами они составляли также основную часть арендаторов и в районах расселения мианхель и бабар в округе Дераисмаилхан.

Собственные участки земли возделывали и вазиры в Банну и уштарани в Дераисмаилхане; по данным источников, наследственных арендаторов среди них было не более 190 человек. В районах расселения племени гандапур крестьяне этого племени составляли около половины земледельческого населения; что же касается арендаторов, то из них только Уз имела право на наследственную аренду. Вместе с тем часть крестьян-собственников дополнительно арендовала общинные земли ("шамилат")¹³¹.

Арендаторы, не имевшие прав на обрабатываемые участки (так называемые "арендаторы из милости"), получали землю на сезон: от жатвы до жатвы. Размеры ренты, вносимой арендаторами, у разных племен колебалась от 1/2 до 1/6 урожая.

Обязаны ли были арендаторы платить кроме ренты владельцам также какой-то налог ханам таких племен, как гигиани, халилы, моманды, даудзай, мар-ваты, вазиры Банну, баннучи, мианхель, гандапур, наши источники не сообщают.

К концу XIX в. среди крестьян равнинных округов, обрабатывавших собственные наделы, а также наследственных арендаторов выделилась сравнительно немногочисленная зажиточная верхушка. Представители ее распоряжались пахотными землями и водными ис-

точниками. Большинство из них жили в усадьбах, построенных на собственной земле. Участки свои они сдавали сезонным арендаторам или обрабатывали трудом батраков. Свою земельную собственность они увеличивали путем скупки земель обедневших односельчан. Ими практиковалась и дача денег в рост. Сплошь и рядом их должники возмещали долги, закладывая свои земли. Так, в районе расселения дауд-заев было заложено до 23% всех земель. Там же, где еще продолжал действовать обычай "веш", они всячески саботировали его и старались изъять из сферы его действия уже закрепленные за ними наследственные доли (жула). Они же присваивали себе выморочные земли ¹³².

Батраки были поденными или работавшими за 1/4 урожая (чарикары). Среди хаттаков имелись уже и наемные рабочие, занятые в соляных копях; они получали одну пайсу за каждый добытый ими тюк соли (тот же тюк владелец копи продавал за 8–10 пайсов) ¹³³.

Крестьяне-пуштуны равнинных округов жили в бедности. Рис, сахар и мясо считались у них предметом роскоши. Их пища состояла из хлеба, испеченного из смеси пшеничной и ячменной муки, овощей, молока, употребляемого преимущественно летом, и кукурузы. Одежда их изготовлялась из грубой хлопчатобумажной материи; вместо плаща употреблялось шерстяное одеяло или сшитое из бараньей шкуры; иногда они носили тулуп, изготовленный из бараньей шкуры; обувью служили кожаные или травяные сандалии. У крестьянина была только одна жена, а многие бедняки всю жизнь оставались холостяками, так как не имели средств для женитьбы ¹³⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. полноправные члены горных племен (за исключением момандов и тури) не платили налога или дани ни своей родо-племенной верхушке, ни соседним государствам (Афганистану или англо-индийской империи). Не платили они налогов и сикхам в те годы, когда те владели заиндскими округами.

Что же касается равнинных территорий, то здесь ситуация была иной.

До 1849г., когда правобережье Инда находилось под властью баракзайских сардаров, а затем сикхов, равнинные пуштуны уплачивали налог, равный 20–25% урожая (величина налога определялась чиновниками, когда хлеб еще стоял на корню) ¹³⁵.

По данным муллы Алим-Уллаха, поземельный налог в Пешаварском округе взимался сикхскими властями с 324 тыс. джарибов земли (около 65 тыс. га) в размере 915 тыс. рупий ¹³⁶. Налог собирался сикхами и

с некоторых юсуфзайских желей; его общие размеры составляли 42 тыс. рупий¹³⁷. О налогах, собираемых ими с жителей Банну, округа Кохат и Дераджата, к сожалению, в наших источниках содержатся лишь отрывочные сведения. Так, налог с района Тери округа Кохат (населенного хаттаками) составлял 31 тыс. рупий. Столько же платили бангаши из района Хангу. 22 тыс. рупий выплачивали хаттаки из Ла-чи, около 200 тыс. – жители Танка¹³⁸. Марваты, баннучи и другие племена Банну платили налоги сикхам лишь в том случае, если сборщик налогов являлся с отрядами войск.

Сбор налогов сикхскими властями производился не только с помощью собственных сборщиков, сопровождаемых войсками; они привлекали для этой цели и знать племен. Очень часто налог отдавался на откуп ханам племени или же богатым индийским банкирам и ростовщикам. Конечно, эти откупщики налогов старались не только выколотить установленный указом махараджи Панджаба налог, но и всячески набить собственный карман; поэтому земледельцы и скотоводы платили налоги фактически в двойном размере.

Сикхи, подобно дурранийским шахам, широко практиковали передачу сбора налогов с племени в джагир сардарам, военачальникам, раджам или ханам племен и кланов, изъявившим желание служить им. Джагиры были временными, пожизненными и наследственными. Джагирдар часто не только собирал налог, установленный махараджей, но и по своей воле вмешивался во внутренние дела племени, а некоторые из них сосредоточивали в своих руках функции и сборщика налога и правителя. В тех случаях, когда такой джагирдар происходил из другого племени или вообще не был пуштуном, глава (хан) племени становился его набом (заместителем). Известны случаи, когда джагирдар продавал свой джагир, закладывал его или передавал родственникам.

В результате своевластия и вымогательств джагирдаров на некоторых пуштунских территориях (например, гигиани) были разрушены основы традиционного землевладения и рядовые пуштунно-общинники превращались из собственников земли в безземельных арендаторов.

Обычно после смерти джагирдара его джагир наследовался сыном, а если умерший не имел мужского потомства, то переходил к его братьям или племянникам¹⁴⁰.

Хамсая-арендаторы к концу XIX в., как правило, арендовали земли уже не у общины, а у представителей феодальной верхушки. Хамсая (факирами) мог-

ли быть и отдельное лицо и группа лиц, даже род или целое племя. У оракзаев и какаров, например, "хамсая" назывались многочисленными вассальными или вассально-союзническими хели. Иногда такие хели постепенно становились фактически самостоятельными и независимыми, а иногда даже включались (с составлением соответствующих родословных) в родо-племенную организацию господствующих племен¹⁴¹.

Хамсая мог быть не только землепашцем, но и пастухом, ремесленником, торговцем, дровосеком и т.д. У некоторых племен, например вазиров и афри-ди, их было немного, а у биттани они и вовсе были неизвестны. В то же время у юсуфзаев были все категории хамсая; более того, большая часть земель племени возделывалась их трудом. Как отмечал Кемп-белл, факиры юсуфзаев находились "фактически на положении крепостных"; по его мнению, они были коренными жителями, которые населяли долины Свата и Дира еще до прихода сюда пуштунов¹⁴². У юсуфзаев ремесленниками и торговцами также были почти исключительно хиндки. В связи с этим следует напомнить, что хамсая индийского происхождения имелись не у всех племен, а если и были, то не все занимались земледелием. Например, среди момандов, обитавших по соседству с юсуфзаями, хиндки были лавочниками и ростовщиками, а арендой земли занимались таджики¹⁴³.

На положении хамсая в восточнопуштунском обществе могли быть не только представители индийского и таджикского автохтонного населения, но и покоренные в свое время другими, более сильными пуштунскими племенами отдельные хели и даже племена пуштунов. Например, в Бунере на положении хамсая были утманзай, гадун, худу-хель и отдельные кланы саларов. У оракзаев хамсая были бангаш и даудзай займукхи, у тури — бангаш и мангалы Кур-рама, у момандов — муллагири, шильмани и сафи¹⁴⁴.

Превращение полноправных членов племени в хамсая происходило по экономическим и политическим причинам. С переходом в хамсая полноправный пуштун терял прежний статус; его положение, и юридическое и фактическое, становилось значительно ниже.

При этом положение хамсая, как пуштунского, так и непуштунского происхождения, у различных племен было неодинаковым. Например, тури со своими хамсая — мангалами, выполнявшими у них роль пастухов и дровосеков, обращались как с крепостными. Когда последние попытались улучшить свое положение, в частности потребовали включить их представителя в джиргу племени, тури жестоко расправились с ними¹⁴⁵.

На положении крепостных фактически находились и юсуфзайские факиры. Факир не мог владеть землей, присутствовать на заседании джирги. Факир платил своему господину (хавинде) не только земельную ренту, но и специальную сумму за бракосочетание и даже штрафы за проступки. Он платил также налог хану племени или желя, нес военную службу и привлекался к принудительным работам. Сверх всего этого, факиры были обязаны по очереди обслуживать худжру (дом для гостей) — доставлять масло для освещения ее, пищу для заночевавших там гостей и корм их лошадям, поддерживать огонь в очаге, носить воду, стелить и убирать постель, подавать кальян и т.п.

Но при всем том факир не был собственностью своего господина. Он мог заниматься торговлей, охотой и другими промыслами, не платя за это хавинде какого-либо налога. Факирам не запрещалось носить оружие и даже переходить под защиту другого клана, где их всегда охотно принимали¹⁴⁶.

Аналогичным было положение хамсая и у дауров, где хамсая обрабатывали Уз всей земли племени и платили земельную ренту в размере $\frac{2}{3}$ урожая. Всего у дауров было около 6 тыс. га земли, причем 60% ее принадлежало верхушке племени¹⁴⁷.

В то же время у оракзаев малики употребляли все меры для того, чтобы защитить своих хамсая, их честь и имущество. Как было отмечено выше, оракзаи не имели со своими хамсая различий в одежде. Среди оракзаев проживали даже целые колонии сикхов, которые находились на положении хамсая¹⁴⁸.

После 1849г. районы горных пуштунов стали убежищем для всех противников колониального режима. Любой житель равнинных округов, преследуемый английской полицией или судом за тот или иной проступок, мог уйти в горы к независимым племенам, где он находил убежище и защиту у хана или влиятельного члена племени. Согласно законам пуштунского гостеприимства, нельзя было отказать беглецу в убежище. В течение первых трех дней пребывания он был гостем, а затем становился хамсая своего покровителя, который кормил его, одевал и защищал, скрывая от английских властей. Взамен беглец-хамсая возделывал землю, пас стада своего покровителя, заготавливал ему дрова и иногда даже включался в его вооруженную охрану¹⁴⁹.

В первые десятилетия своего господства на правобережье Инда английские колониальные власти всеми мерами стремились добиться выдачи беглецов, нашедших убежище в горах. Против горных племен проводились военные экспедиции, их подвергали эко-

номической блокаде и т.п. Однако все было тщетным: не известно ни одного случая, когда какое-то племя или его хан под угрозой и давлением колонизаторов выдал бы беглеца. В конце концов колониальные власти оказались вынуждены считаться с обычаями пуштунов. И в договорах, которые англичане заключали с горными пуштунами, они обязывались не требовать от них выдачи беглецов. В свою очередь, ханы племен обязывались не разрешать беглецам, получившим у них убежище, возвращаться в Британскую Индию¹⁵⁰.

ДЖИРГА. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Каждое племя восточных пуштунов, проживавшее вне территории административных округов, было полностью независимо в своих внутренних делах и управлялось согласно собственным законам, обычаям и традициям.

Племена делились на ветви или кланы, а те, в свою очередь, — на группы родов, которые разделялись на роды, состоявшие из нескольких семейств. Каждая ветвь или клан и все их подразделения имели своего главу, носившего у различных племен, как отмечалось выше, различные титулы. Место главы племени и всех его подразделений у вазиров, ширани, афридиев было выборным (выборы проходили на джирге желей); у юсуфзаев, момандов, какаров, тури, биттани, займукхов, чамкани, муллагири и шильмани оно было наследственным.

Всеми делами, касающимися управления племени и отношений с соседними племенами и общинами, а также с англо-индийскими властями или правительством Кабула, ведала джирга — совет старейшин (спин-жерай) или же совет ханов и маликов, обычно состоявший из определенного числа влиятельных светских и религиозных лидеров. Каждое родо-племенное подразделение, вплоть до мелких родовых или деревенских общин, имело свою джиргу¹⁵¹.

Джирга родов или деревенских общин состояла из глав всех патриархальных семей, составлявших общину или род. Она занималась разбором и улаживанием внутриобщинных споров. Исполнение решений джирги поручалось старшине или малику, который являлся, таким образом, лишь исполнителем воли джирги.

Дела касающиеся нескольких первичных родов, составлявших в совокупности клан или вторую, более высокую ветвь племени, решались на джирге маликов первичных, или низших, родовых общин. Но так как эти малики самостоятельных прав не имели, то для

выступления на джирге более высокой степени они должны были заручиться решением джирги своей общины. Высшая, общеплеменная джирга состояла из маликов главных племенных ветвей или кланов. И поскольку малики обычно выбирались своими джиргами и являлись в высшей джирге лишь выразителями воли и решения своей джирги, то верховная власть в племенах восточных пуштунов принадлежала "в конце концов первичным джиргам, или собраниям глав семей"¹⁵².

На джирге обычно председательствовал спин-жерай (буквально "белобородый") или малик, голос которого, если его мнения не разделяли другие участники джирги, не имел никакого особого веса. Зато весомым был голос муллы, сеида или другого мусульманского богослова, члена джирги. Решение джирги принималось согласованием мнений его членов, а не голосованием.

Решение, принятое общинной джиргой, могло быть не выполнено, если оно противоречило интересам нижестоящих подразделений племени или даже отдельной могущественной семьи. Объяснялось это тем, что, за исключением вазиров, у пуштунских племен не было аппарата принуждения в отношении полноправных членов племени. У вазиров же имелась так называемая "цильвашты" (или цальвешти, также — цалвехти), т.е. милиция племени¹⁵³.

У африди право принуждения или наказания непокорных, не подчинявшихся решениям джирги, возлагалось на маликов. Но последним, да и самой джирге не всегда удавалось реализовать принятые решения. Объяснялось это тем, что каждый клан африди был фактически независим в решениях, касавшихся его дел, и объединялись они только для отражения общего врага¹⁵⁴.

Судебная практика восточнопуштунских племен велась в соответствии с неписанным, но хорошо известным обычным правом пуштунов — "пуштунвалай". У различных племен оно имело свое название: у вазиров, например, — "вазиринарх", у тури — "тури-зун" и т.д.

Одновременно у племен действовали и законы мусульманского права — шариата. Последний применялся при решении вопросов, касавшихся прежде всего частной собственности отдельных членов племени и его подразделений (например, раздела имущества умершего между его родственниками мужского пола). Однако в отношении женщин действовало обычное право (оно продолжает действовать и до сих пор).

Суд у большинства племен вершила джирга (у вазиров – специально созываемая джирга). В нее обычно входили малики данного желя, рода или деревни, несколько поручителей и соприсяжных. Джирга рассматривала как гражданские, так и уголовные дела. Виновность того или иного лица устанавливалась путем показаний свидетелей или же клятвой на Коране, которая иногда при разборе тяжбы или спора была единственным способом выяснения истины.

В юсуфзайских хан-хелях суд над членами желя вершил его глава, и лишь при его отсутствии функции судьи переходили к джирге желя. Хан-хель имел свой зиндан (тюрьму).

На страницах "Сирадж ат-таварих" и в англоязычных источниках часто говорится о существовании у африди "кази" (судьи)¹⁵⁶. К сожалению, о деятельности этих судей ничего не известно.

Обращает на себя внимание, что, по свидетельству высокопоставленных английских колониальных чиновников, в районах племен законность и порядок были гораздо выше, чем в административных округах, где имелись колониальные суды со своим законодательством, полиция, жандармерия, армия и разветвленный административный аппарат¹⁵⁷.

У юсуфзаев лицо, совершившее убийство, навсегда изгонялось из общины. Нередко из нее изгонялись и не поладившие между собой малики. У африди и оракзаев за воровство или убийство жилище виновного предавалось огню или разрушалось, а он сам выселялся из деревни. У вазиров обнаруженное у вора краденое имущество возвращалось хозяину или же вор уплачивал ему за него двойную цену. Кроме того, вор обязан был заплатить пострадавшему штраф (нага). Если ответчик отказывался подчиниться решению джирги, то истец имел право нанести вред имуществу ответчика или его хамсая. У вазиров убийца мог откупиться, уплатив родственникам убитого "цену крови" (в конце XIX в. – от 650 до 1200 рупий). Профессиональным убийцам, нанимаемым в целях отмщения за убийство, платили от 60 до 150 рупий (между прочим, столько же у вазиров стоила невеста)¹⁵⁸.

Джирга не всегда могла уладить все споры и ссоры, особенно если дело шло о кровной мести ("бадал"). По свидетельству источников, основными причинами кровной мести были три "з": "зан" (женщина), "зар" (золото) и "замин" (земля)¹⁵⁹. Однако семьи, находившиеся в кровной вражде, старались не покушаться на жизнь или имущество факиров, жен, детей или гостей противной стороны¹⁶⁰.

ОПОЛЧЕНИЯ ПЛЕМЕН (ЛАШКАР)

Основу военной силы восточнопуштунских племен составляло ополчение — лашкар. Каждый мужчина племени был воином, членом лашкара. По словам Коттона, военного специалиста, долго служившего на северо-западной границе Британской Индии, горные пуштуны были самыми подвижными и искусными в горах воинами в мире¹⁶¹. У вазиров ополчение создавалось по хелям на родо-племенной основе; участие члена племени в ополчении носило фактически принудительный характер. Для набегов на соседние земли и грабежа караванов у вазиров создавались специальные отряды (пайавар, или дилавар) из 10-20 воинов.

В конце XIX в. вазеры в случае необходимости могли выставить 45 тыс. (а по другим данным — даже 79 тыс.) воинов, африди — 25 тыс., моманды — 20 тыс., оракзай — около 30 тыс., юсуфзай Свата и Бунера — 30 тыс., тури — 6 тыс., биттани — 4,5 тыс., ширани — 10 тыс., займукки — 3 тыс., чам-кани — 1 тыс.¹⁶². Значительные ополчения могли выставить и другие восточнопуштунские племена.

Горцы-пуштуны были вооружены ружьями, саблями, короткими мечами и длинными ножами. Каждый взрослый член племени был вооружен и мастерски владел своим оружием, никогда с ним не расставаясь¹⁶³. В начале XX в. в ходе постоянного вооруженного сопротивления такому сильному противнику, каким являлась Англия, восточнопуштунские племена любыми путями, подчас отказывая себе в самом необходимом, добывали современные винтовки и боеприпасы к ним, имевшиеся на вооружении англо-индийской колониальной армии.

В случае войны или военного похода хель или племя избирали на джирге военного предводителя, пользовавшегося диктаторской властью. У вазиров такой предводитель назывался "стыр-амир" (старший амир), у юсуфзаев — "падишах".

При вторжениях внешнего врага жители территории племен обычно оставляли свои междоусобицы и распри¹⁶¹. Так, враждовавшие группы африди приносили клятву прекратить раздоры, и до победы над врагом эта клятва редко нарушалась. Такая система называлась "тига"¹⁶⁵.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОПУШТУНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Захватив земли по правому берегу Инда, английские колониальные власти поставили их под прямое управление Административного совета Панджаба. В 1861 г. заиндская территория была разделена на четыре округа и поставлена под управление двух комиссаров. Резиденция первого из них находилась в Пешаваре (ему подчинялись округа Пешавар и Ко-хат, а также находившийся на левом берегу Инда округ Хазара), второго - в Дераисмаилхане (ему подчинялись округа Дераисмаилхан и Банну).

Непосредственное управление равнинными округами осуществлялось помощниками комиссаров. Весь административный персонал округов состоял из англичан, в руках которых была сосредоточена вся власть - исполнительная, судебная, организация общественных работ, взимание налогов и т. д. Округа делились на тахсилы, во главе которых стояли тахсилдары, назначенные из числа представителей местной знати - ханов, сардаров и маликов пуштунских племен. Главной обязанностью тахсилдаров было обеспечение "спокойствия и порядка" на вверенной им территории и содействие английским властям в своевременном сборе налогов. Колониальные власти всячески поощряли своих чиновников (военных и гражданских) из пограничных округов изучать язык пушту. Лицам, успешно выдержавшим экзамен на знание пушту, платили дополнительно 500 рупий. Англичанами был даже издан учебник пушту.

Карательные и охранные функции в равнинных округах осуществляли полиция, панджабская пограничная стража и колониальные суды. В ключевых стратегических пунктах были размещены отборные части английской колониальной армии¹⁶⁶.

Панджабская пограничная стража набиралась из пуштунов, а также панджабцев (сикхов и мусульман). Офицерский состав был из англичан. Численность стражи достигала 1 2 тыс. человек; в ее составе помимо пехоты имелись кавалерийские части, а также несколько батарей полевой и горной артиллерии.

Колониальные суды (магистраты) были заняты рассмотрением только серьезных уголовных и важных гражданских дел, например связанных с обвинением в убийстве, владением крупной земельной собственностью или недвижимостью в городах. Мелкими тяжбами, а также разбором конфликтов между пуштунскими родами и кланами занималась джирга племени, интересы которого эти дела затрагивали. Иногда

джирге даже передавалось (по решению магистрата) рассмотрение дел об убийстве; при этом самое строгое наказание, к которому джирга могла приговорить виновного, — 14 лет тюремного заключения.

Английской полиции в выполнении ее функций на местах помогала милиция, набранная из пуштунов — местных уроженцев; командовали ею представители племенной знати, пользовавшиеся особым доверием колониальных властей¹⁶⁷.

Из сказанного видно, что уже в первые годы после аннексии заиндских равнинных земель английские власти для укрепления колониального режима стремились активно использовать как соглашавшихся сотрудничать с ними представителей эксплуататорской верхушки пуштунского общества, так и отдельные неизжитые традиционные родо-племенные институты (например, джиргу).

Составной частью английской колониальной политики была целая система мер, направленных на установление действенного контроля над пуштунскими племенами горных районов. Руководство осуществлением этих мер находилось в руках заместителей комиссаров равнинных округов. За каждым заместителем комиссара было закреплено то или иное пуштунское племя или группа племен. Так, заместитель комиссара в Кохате осуществлял политические и административные мероприятия на территориях племен тури и оракзай, заместитель комиссара в Банну — в Вазиристане и т.д. Их непосредственными помощниками были так называемые "посредники и уполномоченные" из пуштунской знати — ханы, навабы, сардары и малики административных (равнинных) округов. Эти "посредники и уполномоченные" должны были информировать власти о настроениях населения горных районов, о тех или иных планах и намерениях ханов и маликов горных пуштунских племен, склонять (путем раздачи денег и т.п.) к сотрудничеству с колониальной администрацией, посредничать в переговорах английских чиновников с племенами, помогать в улаживании конфликтов и споров, возникавших между английскими подданными и горными пуштунами, оказывать властям содействие во взыскании штрафов, налагаемых на племена¹⁶⁸.

Источники сохранили нам имена некоторых из этих, наиболее активных "посредников и уполномоченных". Так, в осуществлении английской политики в отношении юсуфзаев Бунера колониальным властям долгие годы деятельно помогали ханы Хоти и Мардана, в землях африди и муллагири в районе Хайберского прохода — хан Хангу, в Кохате — Музаффар-хан, в Вазиристане — наваб Танка из Дерайсмаилхана, в

землях момандов – арбаб Абдул Маджид-хан Халил и др.

Выступая посредниками в конфликтах между горными пуштунскими племенами (нередко эти конфликты разжигались колониальными властями), находившиеся на английской службе пуштунские ханы неизменно решали дела в пользу "лояльного", "дружеского" по отношению к англичанам племени.

В некоторых округах при заместителях комиссаров – англичанах – имелись "особые помощники комиссаров" из представителей панджабской и пуштунской мусульманской знати, облеченные доверием колонизаторов. Так, в Кохате эту должность занимал известный исследователь этнографии и истории пуштунов, автор капитального труда "Хаят-и афгани", сардар Мухаммад Хаят-хан из Ваха (в Панджабе), а в округе Дераисмаилхан – наваб Танка Шах Наваз-хан. "Особые помощники" были советниками по делам пуштунских племен при заместителях комиссаров, а иногда и непосредственными руководителями важных политических акций в полосе племен¹⁶⁹.

Подкуп представителей знати горных пуштунских племен, негласно изъявивших желание сотрудничать с английскими властями, осуществлялся, естественно, тайно либо (чаще всего) под видом дополнительной или личной субсидии – в дополнение к той, которая выплачивалась племени официально, за обеспечение безопасности передвижений по его территории, или как оплата его лояльности Англии¹⁷⁰. (Система субсидий была заимствована английскими властями у Великих Моголов, шахов Дуррани и сикхов). Субсидии племенам выплачивались не только деньгами, но и оружием и боеприпасами. Выплата оформлялась соответствующими договорами и соглашениями с пуштунскими племенами и кланами, которых только в 50-е годы XIX в. было заключено около 20.

Важным средством в арсенале мер английской политики была вербовка мужчин в полосе горных пуштунских племен для службы в колониальной армии и полиции, низших звеньях гражданской администрации¹⁷¹. Первые вооруженные отряды горных пуштунов на английской службе были сформированы еще в ходе завоевания Панджаба (1845-1849 гг.). Позднее многие пуштуны (административных округов и горных районов) были завербованы в панджабскую пограничную стражу, а также в колониальную армию¹⁷².

Чтобы обеспечить лояльность горных пуштунских племен и упрочить среди них свое влияние, английские власти широко применяли различные экономические меры. Использовалась, в частности, зависимость горных племен от продовольствия, которое

они получали с принадлежавших им земель на равнинах. Известно, например, что момандам эти пахотные земли и пастбища (которые после аннексии за-индских территорий оказались под полным контролем Англии) ежегодно приносили 10 тыс. рупий дохода¹⁷³. Колониальные власти разрешали пользоваться такими землями (а также рынками и базарами административных округов) только "лояльным племенам"; для племен "недружественных" они были закрыты, что создавало для последних немалые экономические трудности.

Конечно, колониальные власти не прекращали и попыток насильственного подчинения горных пуштунов. Так, в 1851 г. ими был захвачен Нижний Даур в Вазиристане, в 1856г. - долина Миранзай и земли племени бангаш на запад от Кохата. Вблизи территорий горных племен, а иногда и непосредственно на их землях они вели строительство фортов, дорог, мостов и других сооружений, имевших военное значение.

В начале 70-х годов XIX в., когда Англия приступила к подготовке захватнической войны против Афганистана (которая должна была открыть колонизаторам дорогу в направлении Центральной Азии), английская политика в отношении горных племен, как и всей заиндской территории, претерпела серьезные изменения. В связи с начавшимся переходом английского капитализма в новую, империалистическую стадию эта политика приобрела еще более изощренные и агрессивные формы¹⁷⁴.

Английские власти ликвидировали институт "посредников и уполномоченных" и всю посредническую систему в целом, взяв все сношения с горными пуштунскими племенами в свои руки. При этом было ликвидировано несколько крупных вассальных пуштунских феодальных владений на западном берегу Инда. Так, в 1875 г. было упразднено навабство Танк, а его территория присоединена к округу Дера-исмаилхан¹⁷⁵.

Были приняты меры по укреплению экономических связей между землями горных племен и британскими владениями в Северо-Западной Индии. Для этого, в частности, были отменены все пошлины и между пуштунскими районами и Британской Индией установлена система свободной торговли. Были отремонтированы старые и построены новые дороги и мосты в административных округах. В 1878 г. было принято решение о строительстве железной дороги, которая должна была иметь, конечно, не только торговое и экономическое, но и важное стратегическое значение¹⁷⁶.

Был снижен налог, взимаемый с земель, принадлежавших горным племенам, которые находились на территории административных округов; при этом колониальные власти дали племенам гарантию неприкосновенности этих земель. С горных пуштунов, обрабатывавших их, был снят подушный налог, который они раньше платили; одновременно их освободили от уплаты всех недоимок по налогам, числившимся за ними еще с сикхских времен. Английскими властями принимались меры, направленные на поощрение переселения пуштунов из горных районов на территорию административных округов.

Следует заметить, что меры по переселению горных пуштунов на равнины принимались и ранее, с середины 60-х годов XIX в. Так, в 1865-1866 гг. около 20 тыс. каналов (1 канал равен 338,4 кв/м) целинной земли в округе Банну были переданы бит-тани при условии, что они будут их возделывать. Они освобождались на 10 лет от уплаты налога, который позднее устанавливался в 1/4 дохода, получаемого с этих земель. Кроме того, биттани была выдана денежная ссуда¹⁷⁷.

Вместе с тем земля горным пуштунам, желавшим обосноваться в административных округах, предоставлялась при условии принятия ими британского подданства. При этом они должны были взять на себя ответственность за лояльность оставшихся в горах сородичей или соплеменников¹⁷⁸.

Результатом продуманной и целенаправленной политики английских колониальных властей в отношении биттани стало соглашение от 2 февраля 1876г. При посредничестве и содействии тех биттани, которые ранее обосновались в округе Банну, малики и старейшины горных биттани согласились взять на себя полную ответственность за охрану всех проходов, ведущих через их территорию в британские владения, а также выплачивать компенсацию за скот британских подданных, угнанный на их территорию: за верблюда — 50 рупий, корову и вола — 10, т.иня — по определению джирги биттани¹⁷⁹.

В различных пунктах поблизости от границы с горными пуштунами были учреждены благотворительные миссионерские больницы, диспансеры и аптеки, в которых лечение и отпуск лекарств были для горных пуштунов бесплатными. По свидетельству источников, в эти лечебные заведения обращались жители Бунера, Свата, Баджаура, Кунара, Вазиристана и даже городов Газни и Кабула¹⁸⁰.

В административных округах миссионерами были открыты начальные школы, в которых учились дети из горных районов. Их обучали не только общеобра-

зовательным предметам, но и английскому языку и даже английским играм (например, футболу). В Пешаваре на базе миссионерской школы был открыт первый пуштунский колледж. Молодых пуштунов направляли также на учебу в Лахор. В округах было построено несколько церквей, среди прихожан которых были и пуштуны, перешедшие в результате деятельности миссионеров в христианство¹⁸¹.

Был расширен доступ пуштунов из горных племен в различные учреждения и службы колониальной администрации, как гражданские, так и военные. При этом предпочтение отдавалось выходцам из пуштунской знати¹⁸².

Особый упор делался на неравноправные договоры и соглашения с горными племенами, которыми обуславливались права английских властей на постройку (на территории племени, подписавшего такое соглашение) дорог, сооружение военных постов и в особенности признание племенем границ, определенных английской стороной, между Британской Индией и территорией племени¹⁸³.

Подобного рода соглашения английские власти навязали тури, вазирам хати-хель, бизан-хель, умарзаям, мухаммад-хель, бакка-хель и джани-хель. При этом вазирьы вынуждены были взять на себя обязательство охранять эту границу и не допускать перехода через нее лиц с территории Британской Индии, а также провоза похищенного в английских владениях имущества¹⁸⁴.

Аналогичные соглашения были заключены с оракзаями, даурами, масудами и юсуфзаями¹⁸⁵.

Насколько можно судить по сохранившимся материалам и источникам, основным методом, к которому прибегали колониальные власти, навязывая горным пуштунам указанные пограничные соглашения, были не столько меры военного давления, сколько умелое использование заинтересованности этих племен в сохранении и развитии жизненно необходимых для них торгово-экономических связей с равнинными территориями.

Одной из главных целей английской колониальной политики в районах, населенных горными пуштунами, было овладение наиболее важными в военно-стратегическом отношении районами и пунктами — прежде всего горными проходами Хайбер, Куррам и Болан. Однако осуществить эту цель колонизаторы сумели только в ходе очередной агрессии против Афганистана (так называемой второй англо-афганской войны 1878-1880 гг.)¹⁸⁶.

Что касается английской политики в отношении общинного землевладения и крестьян-общинников, то

объективно в силу ее классового характера эта политика была направлена против их интересов. Признав право собственности на землю за крестьянами-общинниками, колониальные власти вместе с тем добивались — административным и законодательным путем — ликвидации обычая "веш" у тех племен, где он существовал (хотя сам по себе "веш" не противоречил интересам английского фиска; так, например, марваты, у которых практиковался "хула веш", аккуратно платили налог)¹⁸⁷. Собственностью колониального государства были объявлены леса, большая часть оросительных сооружений, пастбища, пустоши, запасы недр. При этом колонизаторы захватили и значительную часть общинных земель. Весь земельный фонд был обложен поземельным налогом.

В то же время, избегая столкновений с восточными пуштунами, колониальные власти открыто не вмешивались во внутренние дела племен и общин. В 50-е годы XIX в. ими было подтверждено право полноправных общинников на присвоение продуктов труда арендаторов, а также общинных слуг и ремесленников. Пуштунские общинные институты в административных округах были постепенно превращены в низшее звено английского колониального аппарата. Так, уже в 1852—1853 гг. все обрабатываемые пуштунами земли на равнинах были измерены и подсчитана причитающаяся с них общая сумма налога, которая после этого делилась по усмотрению общины между ее членами¹⁸⁸. Налогоплательщиками, так же как и при сикхах, были полноправные общинники. Если надел общинника был сдан в аренду, то рента выплачивалась собственнику земли, как и прежде, до английского завоевания, в натуральной форме.

Тяжелым ударом по пуштунам — полноправным общинникам был перевод налогов из натуральной в денежную форму, осуществленный колонизаторами. "Оно (денежное обложение. — Л.Т.) было для земледельцев просто гибелью, — писал Торборн, — так как приводило к тому, что они попадали в кабалу к ростовщикам"¹⁸⁹.

В дальнейшем нормы и порядки налогообложения неоднократно пересматривались (в 1855—1858, 1873, 1887 гг. и позже); при этом ставки налогов повышались через каждые 10—15 лет. Иными словами, на правобережье Инда была введена система так называемого "временного заминдари". Обложению налогом подлежали все земли общины; круговая порука сохранялась, но платить налог должен был каждый член общины индивидуально. При этом в категорию самостоятельных налогоплательщиков были включены не только собственники земли — помещики и общинники,

но и наследственные арендаторы. Поземельный налог взимался со всех земель, а с орошаемых еще и водный налог (абиана). Налоги взимались в деньгах и вычислялись с каждого акра земли. При этом у непосредственного производителя в пользу владельца изымалось свыше 1/3 урожая.

Колониальная администрация проводила орошение новых земель, которые, считаясь государственной собственностью, сдавались затем в аренду; рента с этих земель шла английским властям.

В тех тахсилах, где сохранили свои владения пуштунские ханы, бывшие вассалами английской короны (например, в Тери — на землях хаттаков), ставки налогов определял сам хан; англичанам же он платил установленную договором о вассалитете дань¹⁹⁰.

В 1869 и 1887 гг. на правобережье Инда, а также в Панджабе были введены законы о наследственной ("защищенной" или "постоянной") аренде, в соответствии с которой права наследственных арендаторов получила узкая прослойка держателей земли из числа пуштунских помещиков, представителей общинной верхушки, а также разбогатевшие ремесленники, торговцы и землевладельцы индийцы, ранее находившиеся на положении хамсая у пуштунских племен. В то же время мелкие арендаторы-издольщики были лишены каких бы то ни было прав на обрабатываемую землю.

В конечном счете земельно-налоговая политика колониальных властей привела в равнинных округах к тому, что как пуштуны — полноправные в прошлом общинники, так и их арендаторы слились в фактически единое класс-сословие крестьян. Другим важнейшим результатом этой политики стало упрочение позиций крупных землевладельцев, превратившихся к началу XX в. в основную социальную опору власти колонизаторов на равнинных заиндских территориях.

Кроме поземельного и водного налога пуштунские крестьяне вынуждены были платить различные сборы: за пользование пастбищами, пустошами и лесами, за право ношения оружия и др. Они облагались также многочисленными косвенными налогами — на соль, спички, мыло, табак, керосин, ткани домашнего производства¹⁹¹.

Тяжесть налогового бремени и то, что налоги собирались в денежной форме, вели к массовому разорению крестьян, резкому росту ростовщичества, купли и закладов земли. Только за первые три десятилетия английского господства налоги с земель выросли не меньше чем в два-три раза. Так, если

сикхам равнинные юсуфзаи платили со своих земель 42 тыс. рупий в год, то англичанам — 148 тыс. рупий.

Английские захватчики, прибрав к рукам правобережье Инда и установив там свой колониальный режим, проводили весьма тонкую политику. Они тщательно учитывали особенности существовавших в регионе до их прихода социально-экономических и общественных институтов, традиции пуштунского общества, своеобразие земельно-налоговых порядков. В первые годы своего господства они собирали налоги с пуштунов-земледельцев равнин в тех же размерах, что и прежде сикхи, а при налогообложении горных племен вплоть до 70-х годов XIX в. пользовались "посреднической системой", о которой речь шла выше; она в основном также была установлена сикхами.

Имеющиеся материалы показывают, что колониальные власти стремились использовать в своих интересах готовые элементы существовавших в пуштунском обществе отношений. Важным моментом их политики была, особенно при создании собственного аппарата управления, опора на феодалов и общинную верхушку восточных пуштунов, использование самой общины как придатка к управленческому аппарату колониальной власти. При этом главную ставку колонизаторы с самого начала делали на феодалов.

Укрепляя свою власть на равнинах правобережья Инда, Англия признала (или подтвердила) права и привилегии ханов и маликов тех восточнопуштунских племен, которые во время войн с сикхами действовали на ее стороне или сразу же после окончания их признали власть англичан и помогли им в установлении колониального режима. Английская администрация пожаловала этим ханам в дополнение к их земельным владениям пожизненные или наследственные джагиры, равные $\frac{1}{4}$ налога, взимаемого с подвластных им племен. Иногда ханам жаловалась в джа-гир и земля в районе проживания их племен. Собственностью ханов была объявлена (и распределена между ними) также часть общинных земель (шаг:илат); налог с них полностью шел в пользу ханов. Наиболее влиятельным и могущественным ханам давали титул "наваб", тем самым как бы возводя их, по выражению одного английского источника, в дворянское достоинство¹⁹².

Большинству ханов и маликов было также назначено денежное содержание (инам). В Банну инам составлял около 5% совокупного налога; в тахсиле, населенном вазирами, — даже 101; у марватов и некоторых других племен он равнялся 25—50 рупиям в месяц¹⁹³.

Колониальные власти признали собственностью феодалов (светских и духовных) большую часть джа-гиров, розданных тем еще Великими Моголами, Надир-шахом Афшаром, шахами Дурранй или сикхами. Эти джагиры были полностью или частично освобождены ими от налогов¹⁹⁴.

Англия восстановила в правах также земельных собственников тех пуштунских феодалов, которые были изгнаны из своих владений либо сами бежали после завоевания правобережья Инда Ранджит Синг-хом. Крестьян-джатов, которые завладели этими землями в период правления сикхов, заставили выплачивать ренту восстановленным в правах феодалам-пуштунам. Таким образом, эти крестьяне оказались фактически "в состоянии крепостной зависимости"¹⁹⁵.

Малики деревень были превращены в наследственных начальников (ламбардар), которые, как и при сикхах, выступали связующим звеном между жителями деревни и вышестоящей властью. В их обязанность входили сбор налогов и оказание помощи администрации в предотвращении нарушений колониальных законов, а также в поиске и аресте провинившихся. За свою службу ламбардары получали инам. Кроме того, они были освобождены от уплаты налогов со своей земли¹⁹⁶.

В результате английской налоговой политики в округе Банну из каждых десяти крестьянских дворов девять ежегодно привлекались к суду за недоимки правительству или за неуплату ростовщикам процентов по займу¹⁹⁷. Неудивительно, что земельно-налоговые преобразования колонизаторов, приводившие к массовому разорению и обезземеливанию пуштунских крестьян, наталкивались на их упорное сопротивление. Так, источники сообщают о выступлениях жителей Тери, имевших яркую антифеодалную и антианглийскую направленность.

Выступления пуштунских крестьян подавлялись колониальными властями с помощью пуштунских же помещиков¹⁹⁸. Как свидетельствуют многочисленные источники, пуштунские помещики административных округов активно помогали англичанам не только в подавлении выступлений равнинных крестьян. Не менее энергично они участвовали и в организации и проведении многочисленных вооруженных акций, осуществляемых английскими войсками против горных пуштунов, пресекали попытки равнинных пуштунов оказать помощь горцам в их сопротивлении колонизаторам¹⁹⁹.

Ни имущественному положению, ни социальным позициям феодальной верхушки пуштунских племен равнинных округов (так же как и верхушке деревенских общин) установление английского колониального ре-

жима на правобережье Инда не нанесло прямого ущерба. Наоборот, с помощью англичан она упрочила власть над своими соплеменниками и бесправными арендаторами, значительно расширила и окончательно закрепила за собой на правах частной собственности свои земельные владения. Таким образом, в лице английских колонизаторов эта верхушка приобрела надежного покровителя и защитника своих классовых интересов.

ПУШТУНСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Английская колониальная политика содействовала образованию в районах горных пуштунов нескольких небольших феодальных княжеств. Большинство их оказались сравнительно недолговечными, просуществовавшими всего несколько десятилетий. К их числу относились: Джандол, Навагаи, Асмар, Мунда, Шаха, Шена, Вансал, Пашат (или Пишут), Шахар (или Хар) и Джар. Другие (Дир и Сват) просуществовали до 60-х годов нашего века.

Конечно, в основе возникновения и упрочения этих княжеств лежали внутренние процессы — процессы феодализации, — происходившие в пуштунском обществе, ход и особенности которых детально исследованы в трудах советских ученых²⁰⁰. Что же касается английской колониальной политики, наложившейся на эти процессы, то она в силу ее общей направленности (стремления найти социальную опору своей власти в эксплуататорских верхах пуштунского общества) содействовала этим внутренним процессам.

Иногда эти мелкие феодальные княжества образовывали своеобразные конгломераты, в которых несколько феодальных владений зависели от одного, самого крупного или сильного. Так, в середине XIX в. в Баджауре возвышение княжества Шахар в годы правления Мир Алам-хана Саларзай Таркалани и его преемника Мансур Али-хана привело к тому, что все малые ханства Баджаура попали в вассальную зависимость от него. Более того, Мир Алам-ханом была захвачена и часть земель Джандола и Навагая.

Все эти княжества — Джандол, Навагаи, Мунда, Шаха, Шена, Вансал, Пашат и Джар — располагались в Баджауре, а Асмар — по соседству с ними, на левом берегу р. Кунар. Все они были населены пуштунами одного племени — таркалани (торкланри). Что же касается их сюзерена — хана Шахара, то в его столице насчитывалась 1 тыс. дворов²⁰¹. Столько же было и в Мианкала — резиденции правителей Джандола; всего же в княжестве Джандол проживало 50 тыс.

семей²⁰². В Навагае насчитывалось до 30 тыс. жителей, а его правитель мог выставить около 6 тыс. воинов. Одноименная крепость (кала) Навагай являлась центром княжества и резиденцией хана, так же как центром княжества Асмар и местопребыванием его правителей была крепость Асмар²⁰³.

Правители княжеств носили присвоенный ими или полученный от правителей соседних феодальных государств титул "хан". Каждый из них был полностью самостоятелен в ведении не только внутренних, но и внешних дел. Богатство ханов состояло из земельных владений и множества мелкого и крупного рогатого скота. Ханы собирали таможенные пошлины с проходивших через их владения караванов (кафила); размеры их были неодинаковы и зависели подчас от прихоти ханов. Известно, что один только таможенный пункт на перевале на пути из Свата в Баджаур давал до 7 тыс. рупий дохода в год²⁰⁴.

Обычно ханы имели нескольких жен и множество наложниц. Жили они в кала со своими семьями, свитой и приближенными.

Одним из значительных княжеств был Дир, территория которого занимала около 13 тыс. кв. км (т.е. превосходила современный Ливан), а население достигало 100 тыс. человек. Его населяли мализаи (ветвь юсуфзаев). Городок-крепость Дир был самым крупным населенным пунктом ханства: в нем было в конце XIX в. 500 дворов и около 100 ремесленных мастерских и торговых лавок. При этом значительную часть населения городка составляли члены семьи хана Диры, их родственники и домочадцы, а также воины личного войска хана; всех их насчитывалось до 2, 5 тыс. человек²⁰⁵.

Обычно власть ханов феодальных княжеств передавалась по наследству от отца к сыну. Но так как твердо установленного порядка престолонаследия не существовало, то нередко были кровавые междоусобицы между претендентами²⁰⁶.

В делах управления хану помогал небольшой административный аппарат, состоящий из вакилей и мунши, ведавших судебными, таможенными, религиозными и военными делами; управляющий доходами и расходами княжества обычно именовался "назир", а полицией — "кутвал". Последний обычно назначался не из числа представителей пуштунской знати, а из доверенных невольников хана.

Управление областями в своих владениях ханы осуществляли через хакимов, или вассальных ханов. Ими обычно были его близкие родственники. В Дире даже старейшины (малики) деревень назначались самим ханом. Хакимы и малики или наделялись землей

из фонда общины, или же взыскивали свое содержание с жителей. Вассальные ханы получали (в зависимости от их ранга и положения) содержание из общей суммы годового дохода всего княжества. В некоторых княжествах, например в Баджауре, ханы, назначая своих сыновей или близких родственников правителями областей, одновременно передавали им эти области в джагир, освобождая некоторых из них даже от уплаты налогов²⁰⁷.

Как указывают источники, большинство ханов имели абсолютную власть над подвластным им населением²⁰⁸. При этом власть их опиралась не столько на богатство и авторитет, сколько на вооруженную силу. Каждый хан кроме личной гвардии (тайархор) имел еще и небольшое войско. Так, войско Мир Алам-хана из Баджаура насчитывало 8700 человек пехоты и 2 тыс. кавалерии. Оно имело также 53 пушки. В распоряжении Амир Мухаммад-хана, брата хана и джагир-дара Мунда, имелось 12 тыс. пехотинцев, а у другого брата хана — Джума-хана, джагирдара области Ва-дах Банда (с общим годовым доходом в 7 тыс. рупий), — 6 тыс. пехотинцев и кавалеристов. Третий брат хана, джагирдар Пишута, Паинда-хан имел 4 тыс. воинов. У Амир-хана, хана Навагая и вассала Мир Алам-хана, было на постоянной службе 2 тыс. пеших и конных воинов при нескольких пушках. Его личная охрана состояла из 500 пехотинцев и 400 кавалеристов. Жалованье как личной гвардии хана, так и другим его войскам выплачивалось деньгами²⁰⁹.

Ханам восточнопуштунских княжеств мало уступали богатством, властью и влиянием видные улемы, резиденции которых находились на территории княжеств²¹⁰. Они владели значительными участками земли, притом самой плодородной, которые приносили им большие доходы. Так, шейх Умар ежегодно получал со своих земель 7 тыс. рупий. Иногда ханы назначали улемов хакимами областей или маликами больших деревень. Известно, например, что Мир Алам-хан назначил муллу Дараз Ахунзада хакимом селения Гул-дери, в котором насчитывалось 400 дворов²¹¹.

Как и в других районах, населенных восточными пуштунами, в княжествах непосредственные производители — крестьяне — делились на полноправных членов племени и зависимых — хамсая или факиров (некоторые источники именуют их также "райатами")²¹². Свободным и полноправным считался лишь тот, кто имел собственную землю. Член племени, лишившийся по той или иной причине своего надела и перешедший в разряд факиров, автоматически терял право голоса в джирге²¹³. Вместе с тем в некоторых княжествах, например в Дире и Баджауре, продолжало

сохраняться общинное землевладение с периодическими переделами земли. Однако земли, известные как "сери", которыми владели ханы и муллы, были изъяты из сферы веша²¹⁴.

Полноправные общинники-собственники земли вносили ханам от $\frac{1}{10}$ о до $\frac{1}{3}$ собранного урожая и, кроме того, сбор по 3 рупии с каждого двора²¹⁵.

Мы располагаем данными, позволяющими определить как объем поземельного налога по некоторым ханствам, так и личные доходы и расходы ханов. Например, годовой поземельный налог в Баджауре в правление Мир Алам-хана был равен 260 тыс. рупий; собирался он с 25 тыс. га земли. Этот налог взимался как деньгами, так и натурой (зерном). Делился он следующим образом: из 260 тыс. рупий Мир Алам-хан (со своими братьями) брал себе 200 тыс., Амир-хан, хан Навагая, вассал Мир Алам-хана, получал 40 тыс., Гафар-хан, хан Джандола и Баравала, – 20 тыс. рупий. Общие годовые расходы Мир Алам-хана не превышали 120 тыс. рупий; из них 112 тыс. шли на управление княжеством и 8 тыс. – на его личные нужды; оставшиеся 80 тыс. рупий пополняли ханскую казну²¹⁶.

Факиры (райаты) в большинстве своем являлись землепашцами и частично пастухами, принижеными, бесправными, и задавленными тяжелой феодальной эксплуатацией тружениками. В Дире ренту и различные единовременные сборы они выплачивали только своему господину (хавинда) и, кроме того, выполняли в его пользу различные повинности. Налогов хану они (ни в Дире, ни в Свате) не платили: все налоги и сборы хану платил их хавинда. В Джандо-ле, Навагае, Асмаре и других княжествах, в отличие от Дира, факиры ренту и различные единовременные сборы выплачивали только хану. Они отдавали ему до половины урожая, четверть стоимости кустарных изделий, а также отбывали бетар²¹⁷.

Несмотря на глубокие социальные различия между полноправными и зависимыми, факир не был еще прикреплен к хозяйству своего хавинды, он мог даже заниматься торговлей и различными промыслами, отходничать и при этом не платить никакого оброка (базгар). Как отмечалось выше, факир мог переходить под защиту другого клана или общины²¹⁸.

Ханы постоянно вели междоусобные войны; при этом одни из них опирались на поддержку эмиров Кабула, а другие – англичан. В 80-х – начале 90-х годов происходит возвышение Джандола, хан которого придерживался проанглийской ориентации. Англия, готовясь в это время к захвату независимых восточ-нопуштунских территорий, Пригималайских и Пригин-

дукушских земель, подстрекала правителя Джандола Умар-хана к набегам на Кафиристан (на который претендовал эмир Кабула), Навагай, Дир, Асмар и Сват, правители которых искали помощи у эмира Абдуррахман-хана. Четыре последних княжества Умар-хану благодаря английской поддержке удалось подчинить себе. Но когда в силу известного англо-афганского договора 1893г. Абдуррахман-хан был вынужден признать эти территории находящимися в сфере влияния Англии, последняя направила в 1895г. против Умар-хана 15-тысячный корпус и изгнала его из Баджау-ра²¹⁹.

Таким образом, правитель Дира Мухаммад Шариф-хан и правитель Навагая Сафадар-хан превратились в вассалов английской короны. В конце XIX – начале XX в. хан Дира считался даже "надежным слугою Англии". До конца своей жизни он не только "всячески стремился поддерживать самые лучшие отношения" с английскими колониальными властями, но и оказывал им постоянную действенную помощь в подавлении освободительной борьбы своих соотечественников. По словам У.Черчилля, власть Мухаммад Шариф-хана, как и всех других восточнопуштунских ханов, держалась на английском оружии и деньгах. "Хан Дира, – писал он, – во всех отношениях ведет себя лояльно, так как он всецело зависит от британской поддержки"²²⁰. Как отмечал далее У.Черчилль, из-за своей проанглийской ориентации и сотрудничества с Англией ханы восточнопуштунских княжеств не пользовались ни уважением, ни поддержкой своих подданных²²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XIX - начале XX в. в равнинных округах территории, населенной восточными пуштунами, начинается становление и развитие элементов капиталистических отношений. Сельскохозяйственное производство все больше ориентируется на рынок. Ханы и старейшины племен постепенно превращаются в крупных помещиков, в руки которых переходит основная часть не только общинных земель, но и крестьянских наделов. Углубляется имущественное и социальное расслоение крестьян; все большее число их становится бесправными арендаторами и сельскохозяйственными рабочими. Растут города, население которых увеличивается за счет крестьян-отходников.

Многие ремесленники, не выдержав конкуренции со стороны дешевых английских товаров, разоряются и превращаются в наемных рабочих на дому, работающих по заказам торговцев - скупщиков их продукции²²². Возникают первые предприятия промышленного типа, занятые преимущественно переработкой сельскохозяйственного сырья.

Развитие капиталистических производственных отношений с каждым десятилетием оказывало все возрастающее влияние на социальную структуру восточнопуштунского общества, в котором происходили важные изменения, связанные с формированием классов и слоев, присущим капиталистической формации: буржуазии (сначала преимущественно торговой), пролетариата и современной, европейски образованной интеллигенции. Формирование этих новых классов и слоев ускорилось в годы первой мировой войны и в особенности в послевоенные десятилетия.

В равнинных округах буржуазия формировалась преимущественно из числа богатых землевладельцев, которые по мере развития товарно-денежных отношений переводили часть своих накоплений сначала в торговлю, а затем и в зарождавшееся промышленное производство. Из представителей пуштунов-землевладельцев в основном образовалась и современная интеллигенция; однако в самом многочисленном ее

отряде — прослойке низших служащих колониальной администрации было немало выходцев и из среды зажиточных крестьян, ремесленников и торговцев.

Вместе с тем постоянная миграция восточных пуштунов из за-индских округов в экономически более развитые северные и западные провинции Британской Индии приводила к тому, что "формирование пуштунского пролетариата и буржуазии происходило и вне границ" компактно населенной восточными пуштунами территории"²²³.

Английская оккупация и включение восточнопуштунских земель в состав британской колониальной империи в Южной Азии содействовали их постепенно-су вовлечению в орбиту мирового капиталистического рынка; в то же время колониальное иго прервало и нарушило естественный ход социально-экономического развития восточнопуштунского общества. Так, население горных районов оказалось в значительной степени изолированным (административными границами и суровыми военно-полицейскими мерами) от равнинных округов. Эта искусственная изоляция привела к фактической консервации там докапиталистических форм хозяйственной жизни, а также способов и методов эксплуатации трудящихся, отягощенных многочисленными пережитками родо-племенных отношений.

В результате неравномерности социального, экономического и культурного развития горных районов и равнинных (административных) округов для населенных восточными пуштунами территорий к концу колониального периода их истории была характерна многоукладность, сохранившаяся и в наше время. В экономике горных районов преобладал натуральный уклад, в то время как в некоторых административных округах (Пешавар, Мардан) развитие капиталистических отношений привело к формированию капиталистического уклада. Однако и здесь значительная часть самодеятельного населения вплоть до недавнего времени была занята в мелкотоварном и мелкокапиталистическом секторах экономики²²⁴.

Консервация в горных районах традиционных форм социальной организации, эксплуатации непосредственных производителей и патриархальных (родо-племенных) форм быта привела к тому, что восточно-пуштунское общество оказалось в начале XX в. расколотым (или разделенным) на два типа социальной организации, которые сами пуштуны определяют терминами "нанг" и "каланг"²²⁵. Первый тип — "нанг" (на языке пушту это слово означает "чувство чести, честь") преобладает среди горных племен; второй —

"каланг" (дань, налог) — среди пуштунов административных округов.

Для горных племен ("нанг") характерно следование традициям пуштунвалай (кодекса чести пуштунов), с присущими ему обычаями мелмастиа (гостеприимства), бадал (мести) и др.²²⁶. В брачных отношениях эти племена эндогамны, т.е. брачные союзы заключаются ими внутри данной кровнородственной группы. Большое значение в жизни племен продолжает сохранять джирга. Главы кланов и племен все еще имеют вооруженную охрану, а значительную роль в их бюджете играют доходы от контрабандной торговли.

Для восточных пуштунов, населяющих административные округа ("каланг"), характерно забвение или далеко зашедшее изживание принципов пуштунвалай. Положение в обществе здесь определяется не столько принадлежностью к старейшей патронимии, сколько экономическими или административно-политическими факторами (например, владением водяными насосами, сахарными прессами, механическими мельницами или службой в армии, полиции, учреждениях гражданского управления)²²⁷.

Конечно, для мигрантов из горных районов, лишь недавно переселившихся на равнину и сохранивших связи с соплеменниками (так называемых "два-кора"— "двудомниках"), традиционные представления и авторитеты все еще сохраняют значение. Значительно быстрее и радикальнее изживаются они теми горцами-пуштунами, которые в поисках заработка отправляются в нефтедобывающие государства Персидского залива.

Социальные и экономические различия оказали серьезное влияние и на политическую структуру населения горных районов и административных округов. Там, где население живет в рамках системы "нанг", никогда не было и нет по сей день политических партий или общественных организаций. Хан или малик господствующего в данном районе племени или клана является здесь неоспоримым политическим лидером. Иногда, правда, лидерство оказывается в руках видного мусульманского богослова, опирающегося на поддержку многочисленных муридов²²⁸.

Что же касается административных округов, то здесь уже в начале XX в. появились первые политические организации пуштунов²²⁹. Многие из них сыграли важную роль в антиимпериалистической борьбе народов Южной Азии и при активном участии и поддержке пуштунов горных районов внести немалый вклад в ее освобождение от колониального ига.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан дар масири тарих. Кабул, 1346 г.х., с.578.

²См., например: Mulla Alee m-U llahof Peshawar. Account of Parts of the Cabool and Peshawar Territories. – "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1845, vol.XIV, p.II, с.699, 700 (далее – Mu l l a A l e m-U l l ah.Account of Parts of the Cabool...); Rajah Khan of Cabool. Account of the Panjkora Valley and of Lower and Upper Kashkar. – Там же, с.815; W.H.T h o r b u rn. The District of Dera Ismail Khan, Trans-Indus. – "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1871, vol.XI, с.14; Gazetteer of the North-West Frontier Province. Calcutta, 1908, с252.

³В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в. Канд.дис. М., 1951, с.204.

⁴ H.G.Raverty. Notes on Afghanistan, and Part of Baluchistan: Geographical, Ethnographical and Historical. L., 1880, с.219.

⁵ Там же, С.217.

⁶Архив внешней политики России, ф.Средне-Азиатский стол (далее – АВПР), 1892, д.540, л.28.

⁷Центральный Государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА), ф. 1396, д.1494, лл.30-32.

⁸Туркестанский сборник. Собрание сочинений о Туркестанском крае вообще и сопредельных с ним странах Средней Азии, составленный В.И.Межовым. Т.195, с. 107.

⁹ Фаиз Мухаммад Кати б. Сирадж ат-таварих. Т. III, Кабул. 1333г.х., с.1219.

¹⁰ См. подробнее: Жуграфия-и Афганистан. Кабул, 1301 г.х., с. 135-137, 140, 233; Irwin. Memoir on the Climate, Soil, Produce and Husbandry of Afghanistan and Neighbouring Countries. – "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1840, vol.IX, p.I, с.55-59, 61, 189; R.C.Temple. Remarks of the Afghans Found along the Route of the Tal Chotiali Field Force, in the Spring of 1879. – "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1880, vol.XLIX, p.I, с.143- 180; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.39-41; Gazetteer of the Peshawar District, 1883-1884. Lahore, /б.г./, с.42, K.I.Bruce. The Forward Policy and Its Results or Thirty-five Years Work amongst the Tribes on Our North-Western Frontier of India. L., 1900, с 131, 170-171.

¹¹ Mulla Alee m-U llahof Peshawar. Account of Parts of the Cabool..., с.668, 670, 684.

¹² Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.43.

¹³ См.: G.B.Scott. Afghan and Pathan. L., 1929, с 114; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с39; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District. 1883-1884, Lahore, /б.г./, с. 142; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat, and Kohistan, to the Source of the Suwat River; with an Account of the Tribes Inhabiting Those Valleys. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1863, vol.XXXI, с.254, 264; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIXв., с.216; Gazetteer of the Peshawar District, с.87; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с91; Gazetteer of the Banny District, 1883 - 1884. Lahore, /б.г./, с.17; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.41-42; G.Campbell. The Afghan Frontier.L., 1879, с.22; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с.213.

¹⁴ См., например : Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани. Лахор, 1867, с.20, 195, 223, 225, 237, 247, 311, 339, 407; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.254, 276, 277; Irvin. Memoir on the Climate..., с.55 - 56, 61; An Account of Upper Kashkar and Chitral, or Lower Kash-Kar, together with Independent Afghan State of Panjko-rah, Including Tal-ash. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1865, vol.XXXIII, с 139.

¹⁵ Х.Оцуген./ Заметки о путешествии майора Хигаси Оцугена по Северо-западной границе Индии (20 окт. - 8 дек. 1904). 4.II. СПб., 1907, с.129-130.

¹⁶ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.213 - 215, 223, 225, 237, 245-247, 309-311, 339, 407, 411-413; Жуграфия-и Афганистан, с.135 -137, 272; K.L.Bruce. The Forward Policy..., с.130; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с.81, 154; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с 94, 122.

¹⁷ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.223, 401-413, 449; Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.794 -795; Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour through Parts of the Punjab and Afghanistan, in the Year 1837. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1843, vol.XII, p.II, с.610, 617; Mulla AI e-em-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.694; An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с 146; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с50 -51; Gazetteer of the Peshawar District, с.80, 120, 151; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.72, 193; Gazetteer of the Ban-nu District, с203; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с214; С.М.Энрикез. The Pathan Borderland. Calcutta, 1921, с 109.

¹⁸ В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с.217 -218.

¹⁹ Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour through Parts of the Punjab and Afghanistan, с.610.

²⁰ См.: Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.665; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.693; B.Goodwin. Life among the Pathans (Khat-taks). L., 1969, с.153.

²¹ Подробнее о повинда см.: H.B.Edwards. A Year on the Punjab Frontier in 1848-49. Vol.1. L., 1851, с 88-89, 387-389, 443-449. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.76-80, 142-143; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с.158-159.

²² См.: An Account of Upper Kashkar, and Chitral..., с. 139-140, 146; Mulla Aleem-Ullah of Peshawar. Account of Parts of the Cabool..., с.683, 685-686.

²³ См. подробнее: Rajah Khan of Cabool. Account of the Panjkora Valley..., с.815; An Account of Upper Kashkar, and Chitral..., с 150; C.M.Enriques. The Pathan Borderland, с59, 145, 187; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с. 200.

²⁴ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.14-15, 18-19, 215, 223, 237, 247, 311, 315, 407; An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с 139-140, 146,150; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.683, 685-686; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.243, 248, 249, 277-278; он же. An Account of the Mountain District Forming the Western Boundary of Lower Derajat, Commonly Called Roh, with Notices of the Tribes Inhabiting It. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1858, vol.XXVI, с 188; он же. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с.13; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с.85, 97, 102-103, 131, 157; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с255.

²⁵ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 14 - 15, 18-19, 215, 237, 311, 315; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, Relating to India and Neighbouring Countries. Compiled by C.I. Aitchison. Vol.XI; Calcutta, 1909, с7; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.243, 277, 278, 243; Gazetteer of the Peshawar District, с.181; H.G.Raverty. The Waziris' Afghans and Their Country. - "Asiatic Quarterly Review". 1895, vol.IX. №17, с.157.

²⁶ Gazetteer of the Peshawar District, с.185; Жуграфийа-и Афганистан, с. 133, 134; Англо-индийское владение. Северо-Западная Пограничная провинция. Таш., 1911, с.33; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.223.

²⁷ См., например: K.I.Bruce. The Forward Policy..., с.85; Irwin. Memoir on the Climate..., с56 -58, 185; C.J.Enriquez. The Pathan Borderland, с.162; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.225, 311.

²⁸ Жуграфийа-и Афганистан, с.232, 233, 236; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.237, 333, 411-413.

- ²⁹ Mulla Ale em-ü l l ah. Account of Parts of the Cabool..., с.679, 683, 685-686.
- ³⁰ H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.249, 258.
- ³¹ Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.40, 411 – 413; Gazetteer of Dera Ismail Khan District, с.165-166; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с 155.
- ³² Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.315; /М.М.В е нюк о в/. Пенджаб и северо-западная граница Индии.— "Военный сборник". Т. 125. СПб., 1879, №2, с.120-121; Выдержка из английских газет. Штаб войск Закаспийской области. — ЦГВИА, ф.1396, д.1506, л.168; Gazetteer of the Peshawar District, с.185; C.M.Enriquez. The Pathan Borderland, С.125.
- ³³ Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.339, 449; Gazetteer of the Peshawar District, с 103; Gazetteer of the Bannu District, с.41-42; Mulla Ale em-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с 665, 690-691, 697; Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с.590 – 591, 606; T.L.Pennell. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier. L., 1909, с.56.
- ³⁴ См.: An Account of Upper Kashkar and Chitral..., С.139.
- ³⁵ Дирский сир был на 75 легче кабульского.
- ³⁶ АВПР, 1904, д.927, л.124.
- ³⁷ И.М.Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в.; Ю.В.Ганковский. Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958; Л.Р.Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914 – 1947 гг.), М., 1953.
- ³⁸ См.: Gazetteer of the Peshawar District, с.122.
- ³⁹ V.Goodwin. Life among the Pathans, с.41, 128.
- ⁴⁰ См. подробнее: Gazetteer of the Peshawar District, с.122. S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier. L., 1876, с.126.
- ⁴¹ О "веше", его видах и порядках его проведения у различных пуштунских племен см.: И.М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, с.104-184.
- ⁴² См. подробнее: Gazetteer of the Bannu District, с.79; Gazetteer of the Peshawar District, с.196-197, 199; S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с 124-128, 132-134.
- ⁴³ Gazetteer of the Bannu District, с.79.
- ⁴⁴ Gazetteer of the Peshawar District, с.122; Gazetteer of the Bannu District, с95.
- ⁴⁵ Gazetteer of the Peshawar District, с 118.
- ⁴⁶ T.L.Pennell. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontiers, с.51.
- ⁴⁷ H.B.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с. 66.

⁴⁹ W.H.Thorburn. The District of Dera Ismail Khan, 1.15 -16; Gazetteer of the Peshawar District, с.115. "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1871, vol.XL, с.15 - '6; Gazetteer of the Peshawar District, с 15. Подробнее: см. И.М.Рейснер. Развитие феодализма и образование государства У афганцев, с.61.

⁵⁰ Л.Темирханов. Хазарейцы. Очерки новой истории. М., 1972, с.48.См., например, Gazetteer of the Peshawar District, с.105-106.

⁵¹ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.509; Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.67, 375, 411, 444 - 447; Gazetteer of the Bannu District, с.95, 121-122, 124; Gazetteer of the Peshawar District, с 108-110, 122, 199; Gazetteer of the Dera Is mail Khan District, с 103; J.W.Spain. The Way of the Pathans. L., 1963, с.79; R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, 1879-1898. L., 1900, с. 48-49; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.112.

⁵² См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.509, 511. Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.66-67, 69, 77, 365, 400, 445-456; S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с.32-33, 36-37; B.Goodwin. Life among the Pathan, с 153 -154; Gazetteer of the Peshawar District, с 108.

⁵³ Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.66.

⁵⁴ См.: В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в. - Очерки новой истории стран Среднего Востока. М.; 1951, с. 110, 118, 123. E.Conolly. Note on the Eusofzye Tribes of Afghanistan. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1840, vol.IX, p.II, с.927; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.675.

⁵⁵ Agha Abbas of Shiraa. Journal of a Tour..., с.595-596.

⁵⁶ Gazetteer of the Peshawar District, с.100- 102, 108,118; Gazetteer of the Bannu District, с53, 57, 66.

⁵⁷ См.: Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с.610; Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.68-69, 329-330, 351; W.H.Thorburn. The District of Dera Ismail Khan, с.16; Gazetteer of the Peshawar District, с 105 -106; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.70-71; C.M.Enriquez. The Pathan Border land, с 99.

⁵⁸ См. подробнее: /М.И.Венюков/. Пенджаб и Северо-западная граница Индии, с. 120; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в., с. 118; T.L.Penne 11. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier, с51; E.Conolly. Note on the Eusofzye Tribes, с.927.

⁵⁹ W.H.Thorburn. The District of Dera Ismail Khan, с.16.

⁶⁰ См.: Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.329-332, 359-364; И.М.Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, с.225; Л.Р.Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии, с.28 – 30.

⁶¹ См. подробнее: Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.671-673; Agha Abbas Shiraz. Journal of a Tour..., с.592-593, 595-596; S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с.37; E.Conolly. Note on the Eusofzye Tribes of Afghanistan, с.927; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в., с. 117.

⁶² W.H.Thorburn. The District of Dera Ismail Khan, с.16.

⁶³ Н.В.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с.329-332, 359-364.

⁶⁴ См. подробнее: Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с. 671-672.

⁶⁵ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.369; Т.W.Spain. The Way of the Pathans, с. 136; Л.Р.Гордон. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX века. – "Вопросы истории". 1950, №3, с.56.

⁶⁶ Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.794, 795, 804; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.156; Л.Р.Гордон. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии..., с.56 –57; М.Грулев. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние десять лет. СПб., 1909, с.33.

⁶⁷ Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.370 –371; Туркестанский военный округ. Штаб. Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXIII. 1901, с.9-11 (далее – СКС); Н.А.Аристов. Англо-индийский Кавказ (из журнала "Живая старина"). СПб., 1900, вып. 1-2, с.25; К.И.Bruce. The Forward Policy, с.168-169.

⁶⁸ Англо-индийское владение, с.47.

⁶⁹ Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.763.

⁷⁰ Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.167; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 256.

⁷¹ Выдержки из английских газет, д.1506, л.52. Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.740; С.М.Enriquez. The Pathan Borderland, с.95.

⁷² R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с. 131. См. подробнее: Выдержки из английских газет, д. 1506, лл.84 –85, 215; R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с.120. 274-275.

- ⁷⁵ Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с.605-609, 610.
- ⁷⁶ Там же, с. 604. См. также: Л.Р.Гордон. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX в. — Очерки новой истории стран Среднего Востока. М., 1951, с. 151.
- ⁷⁷ E.Conolly. Note on the Eusofzye Tribes of Afghanistan, с.929.
- ⁷⁸ В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с.256.
- ⁷⁹ Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.678-679.
- ⁸⁰ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.73. 74, 76-77, 180-181.
- ⁸¹ Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с. 687.
- ⁸² См. подробнее: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с8; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.683, 685 — 686; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с.285.
- ⁸³ Gazetteer of the Peshawar District, с.118.
- ⁸⁴ Там же, с.181; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.226; Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.663.
- ⁸⁵ H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с.121; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.662, 665, 667. G.B.Scott. Afghan and Pathan, с 95-96; S.Cotton. Nine Years on the North-West Frontier, с.82; S.Akbar S.Ahmed. Pukhtun Economy and Society. L., 1980, с 122; Gazetteer of the Peshawar District. с.81.
- ⁸⁶ Выдержки из английских газет, д.1491, л.18.
- ⁸⁷ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.223; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с89 —90; М.Kakar. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan under Amir Abdul Al Rahman. 1880—1896. L., 1968. с.109.
- ⁸⁸ М.Kakar. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с.109—111.
- ⁸⁹ См.: К.И.Bruce. The Forward Policy, с.100-104, 137; А.Е.Снесарев. Афганистан. М., 1921, с.100.
- ⁹⁰ Feroz Ahmed. Focus on Baluchistan and Pushtoon Question. Lahore, 1975, с.46.
- ⁹¹ См. подробнее: К.И.Bruce. Forward Policy, с.93 —94, 100, 138, 142; "The Times", 17.XI.1884; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.240; /Х.Оцуген/. Заметки о путешествии..., с.150.
- ⁹² A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.131, 132, 134; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с339.
- ⁹³ J.G.Ell rot. The Frontier 1839-1947. The Story of the North-West Frontier of India. L., 1968, с 219.

⁹⁵ Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с. 697-698, 702, 1042; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 339-340. Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 241 - 242; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 339 - 340.

⁹⁶ R. Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с. 60, 110.

⁹⁷ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 197; T. L. Penne 11. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier, с. 115; Akbar S. Ahmed. Pukhtun Economy and Society, с. 166-167.

⁹⁸ Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 197; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с. 175-176.

⁹⁹ Выдержки из английских газет, д. 1506, л. 156.

¹⁰⁰ Цит. по: Н. А. Аристов. Англо-индийский Кавказ, с. 46.

¹⁰¹ АВПР, 1902, мд. 920, л. 67.

¹⁰² См.: СКС, вып. LXX, с. 8.

¹⁰³ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 221.

¹⁰⁴ СКС, вып. LXXVI, с. 2.

¹⁰⁵ Gazetteer of the Bannu District, с. 72; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 150, 172, 186, 199.

¹⁰⁶ В Свате сеиды владели четвертой частью всей территории (см.: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, сб.). Население Канигурама в Вазиристане состояло главным образом из улама и сеидов (W. H. Thoburn. The District of Dera Ismail Khan, с. 14; см. также: H. B. Edwardes. A Year on the Punjab Frontier, с. 380).

¹⁰⁷ R. C. Temple. Remarks on the Afghans Found along the Route of the Tal Chotiali Field Force, с. 103.

¹⁰⁸ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с. 37, 115-116, 119; Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с. 591, 600-605; E. Conolly. Note on the Eusofzue Tribes of Afghanistan, с. 929; Мухаммад Хаятхан. Хаят-и афгани, с. 309.

¹⁰⁹ Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с. 615-616; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с. 13, 37, 149; S. Cotton. Nine Years on the North-West Frontier of India. L., 1868, с. 228; Mulla Aleem-Ullah. Account Parts of the Cabool..., с. 680.

¹¹⁰ См.: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с. 47; Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с. 604-609.

¹¹¹ Mulla Aleem-Ullah. Account Parts of the Cabool..., с. 680.

¹¹² Там же; E. Conolly. Note on the Eusofzue Tribes of Afghanistan, с. 929.

¹¹³ См. подробнее: W. S. Churchill. Frontiers and Wars; L., 1962, с. 22; D. C. Baulger. England and Russia in Central Asia. Vol. 11. L., 1879, с. 292; H. G. Raver ty. An Ac-

count of Upper and Lower Suwat..., с.244 –245; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 109, 110.

¹¹⁴ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.110–111; Gazetteer of the Peshawar District, с.79; Old Punjab ee. The Punjab and North-West Frontier of India. L., /б.г./, с.59–61; Туркестанский сборник, т.195, с.108: т.196, с.76.

¹¹⁵ Gazetteer of the Peshawar District, с.79; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.242 – 244; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзай-ских племен в XIX в., с. 45 7–458.

¹¹⁶ См.: "The Times", 14, 28.1.1878; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.242; Gazetteer of the Peshawar District, с 180.

¹¹⁷ В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с. 459.

¹¹⁸ W.S.Churchil. Frontiers and Wars, с.22.

¹¹⁹ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.220 –221; Англо-индийское владение, с.26 –27; W.S.Churchil. Frontiers and Wars, с22.

¹²⁰ См.: Olaf Caroe. The Pathans. L., 1958, с.428; J.G.Elliott. The Frontier 1839-1947, с. 161; И.Маздур. Аграрный вопрос и крестьянское движение на северо-западе Индии. М., 1933, с.57.

¹²¹ См.: Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.1231; АВПР, ф.САС, 1902, д.720, л.240; 1904, д.745, л.34; М.Грулев. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние десять лет, с. 34; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.680.

¹²² В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с. 456 – 457.

¹²³ Gazetteer of the Peshawar District, с.115–116.

¹²⁴ R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber,с.192.

¹²⁵ См. выше, раздел "Социально-экономическая и политическая структура".

¹²⁶ Gazetteer of the Peshawar District, с.192-193.

¹²⁷ Там же, с.194-195.

¹²⁸ Там же, с.196.

¹²⁹ Там же, с.197-198.

¹³⁰ Gazetteer of the Bannu District, с.90.

¹³¹ Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.71.

¹³² См.: Gazetteer of the Bannu District, с.57, 80;S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с.99, 131 – 132; Gazetteer of the Peshawar District, с 193, 196, 197.

¹³³ См.: Agha Abbas of S h i r a z. Journal of a Tour..., с.595; Gazetteer of the Bannu District, с.52, 53, 57; Gazetteer of the Peshawar District, с.108; И.М.Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев,с.204-205.

¹³⁴ См. подробнее: Gazetteer of the Peshawar District, с.101; Gazetteer of the Bannu District, с.52, 53, 57, 66, 72; Gazetteer of the Peshawar District, с. 116; S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с36, 134, 135.

¹³⁵ S.Thorburn. Bannu, or Our Afghan Frontier, с 108-109, 112-113; Gazetteer of the Peshawar District, с.75; Agha Abbas Shiraz. Journal of a Tour..., с.593.

¹³⁶ Mulla Allem-U 1 1 ah. Account of Parts of the Cabool..., с.668-672.

¹³⁷ Shekh Kash Alee. Account of the Esafzai-Afghans Inhabiting Dama (the Plain) Swat, Buncher and the Chamla Valley. — "Journal of the Asiatic Society of Bengal". Vol.XIV, p.II, 1845, с.736-742, 746. 138

¹³⁸ См.: Agha Abbas of Shiraz. Journal of a Tour..., с.595 —596, 610 — 611; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.169; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.17.

¹³⁹ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с 17.

¹⁴⁰ См. подробнее: Gazetteer of the Bannu District, с 121-124, 126; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с 102-103; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с 144.

¹⁴¹ У юсуфзаев кроме факиров были еще вассалы-союзники (млатар), которые оказывали племени военную помощь за пользование его землями (В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с.310 —311). Одна из ветвей племени оракзай прямо называлась "хамсая".

¹⁴² G.Campbell. The Afghan Frontier. L., 1879.

¹⁴³ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.223; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.9; М.Ка-кар. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с107-108; Akbar S. Ahmed. Pukhtun Economy and Society, с.173.

¹⁴⁴ R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с 58 — 59; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с45; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с. 102-103; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с 143-144, 226.

¹⁴⁵ См.: С.М.Enriques. The Pathan Borderland, с 130 — 131.

¹⁴⁶ См. подробнее: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 193-194, 199-200; Gazetteer of the Peshawar District, с.117; An Account of Upper Kashkar and Chitral, с 148 — 150; Н.Г.Раверти. An Account of Upper and Lower Suwat..., с.270; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с. 310 — 314.

¹⁴⁷ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.247.

¹⁴⁸ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с117; Akbar S. Ahmed. Pukhtun Economy and Society, с.173.

¹⁴⁹ В. Goodwin. Life among the Pathans, с.43.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См., например: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.198-199, 223, 246-247, 253, 309; A Collection of Treaties, Engagement and Sanads, с. 161; J.W.Spain. The Say of the Pathans, с 136.

¹⁵² Н.А.Аристов, Англо-индийский Кавказ, 1899, вып. 4, с.465-466; C.Davies. The Problem of the North-West Frontier, 1890-1908. Cambridge, 1932, с.51, 148; C.Miller.Khyber. British Indian's North-West Frontier. L., 1971,с.100.

¹⁵³ Л.Р.Гордон. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии..., с.55. По данным С.Де-виса. цальвешти имелись только у махсуд-вазиров.

¹⁵⁴ Выдержки из английских газет, д.1506, лл.72-73.

¹⁵⁵ См., например, Akbar S.Ahmed. Pukhtun Economy and Society, с 106.

¹⁵⁶ См. : Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.766-777; L.W.Adames. Afghanistan, 1900-1923. Berkeley-Los Angeles, 1967, с.97\

¹⁵⁷ B.Goodwin. Life among the Pathans, с. 134.

¹⁵⁸ См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с. 357 - 358; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.91 - 93, 115, 116, 126; H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Swat..., с.272; Gazetteer of the North-West Frontier Province, С.241; W.H.Thorburn. The District of Dera Ismail Khan, с 14.

¹⁵⁹ T.L.Penne 11. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier, с29 -30; L.Tomas. Beyond Khyber Pass into Forbidden Afghanistan. L., 1928, с.36-38.

¹⁶¹ H.G.Raverty. An Account of Upper and Lower Swat.... с.272.

¹⁶¹ S.Cotton. Nine Years on the North-West Frontier of India, с84.

¹⁶² См., например: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.411-413; D.C.Bauiger. England and Russia in Central Asia. Vol.11, с.292-296; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.37, 45 - 46; ShekhKosh Alee. Account of the Esafzai-Afghans Inhabiting Swat, Bunher and Chamla Valley. - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1850, vol.XIX, p.II, с.742-746.

¹⁶³ H.G.Raverty. The Waziris Afghan and Their Country, с158; G.B.Scott. Afghan and Pathan, с55.

¹⁶⁴ Выдержки из английских газет, д. 1491, л.214; Восстание на северо-западной границе Индии. - СКС. 1894, № 1, с.58.

¹⁶⁵ M.Yunus. Frontier speak. Lahore, 1942, с.81. См. подробнее: Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с 157-158; Olaf Caroe. The Pathans, с.348; S.Cotton. Nine Years on the North-West Frontier of India, с.29 - 30, 59; B.Goodwin. Life among the Pathans, с.63 - 64; Дж.Эдай. Ситана. Пер. с англ. СПб., 1873, с.11-12; "The Times", 2.14.IV. 1851; 29.XI.1853; 18.1.1854; 17.XII.1854; 15.IX.1856.

¹⁶⁷ "The Times", 15.IX.1856.

¹⁶⁸ См.: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.5, 12, 57-58; R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с.35 - 37; C.Davies. The Problem of the NorthWest Frontier, с.74 -75; Dharm Pall. North-West Frontier Province. Bombay, 1947, с.29.

¹⁶⁹ См., например, A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.127.

¹⁷⁰ Там же, с.32, 58-59, 77-78, 93; АВПР. Главный архив, 1-9, 1867, д.16, л.15; Л.Н.Соболев. Страница из истории восточного вопроса. СПб., 1880-1882, с.91.

¹⁷¹ См. подробнее: Мухаммад Хая т-х а н. Хаят-и афгани, с.315; Дж.Эдай. Ситана, с.32; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.57 - 58, 92. L.A.St or r. Frontier Folk on the Afghan Border and Beyond. L., 1920, с.8.

¹⁷² Gazetteer of the North-West Frontier Province, с 19-20; Дж.Эдай. Ситана, с.32.

A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.21-22.

¹⁷³ Подробнее см.: I.T.Prichard. The Administration of India. From 1859 to 1868. Vol.II. L., 1869, с.74; История Афганистана. М., 1982, с. 155-186; В.Массон, В.А.Ромодин. История Афганистана, Т.Н. М., 1965, с.219 - 275.

¹⁷⁴ Выдержки из английских газет, д.1491, л.105; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.5, 11, 12, 58; R.Warburton. Eighteen Years in the Khyber, с.56 -58.

¹⁷⁵ Correspondence. The Relations between the British Government and That of Afghanistan - since the Accession of the Ameer Sher Ali Khan. L., 1878, с.28-29; Пограничная политика Индии. Пер. с англ. Таш., 1910, с.19 - 20.

¹⁷⁶ См. подробнее: Пограничная политика Индии, с.28; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.63-64, 168-169; G.Campbell. The Afghan Frontier, с.44; "The Times", 11.III. 1878; Кужзад. Дачвои Амир Дост Мухаммад-хан ба англисха дар мавруди кабоили сархад. Кабул, 1329 г.х., с.3.

¹⁷⁸ Dharm Pall. North-West Frontier Province, с.31.

¹⁷⁹ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.166-167.

¹⁸⁰ См.: Correspondence..., с.29; The Imperial Gazetteer of India. Vol.1. L., 1885, с.34; C.Miller. The Khyber, с.254.

¹⁸¹ См., например: T.L.Pennel. Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier, с.53, 57-58, 70-71; B.Goodwin. Life among the Pathans, с.104-108; Г.Ф.Гире. Литература непокоренного народа. М., 1966, с.37-40.

¹⁸² См.: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с.5, 56, 63; Correspondence..., с.28, 38; "The Times", 17.1.1871; 3.XII.1877; Dharm Pall. North-West Frontier Province, с.31.

- ¹⁸³ A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, 133-134.
- ¹⁸⁴ Там же, с. 150-152
- ¹⁸⁵ Там же, с. 117, 119, 139-140, 154-159, 163-166
- ¹⁸⁶ Там же, с. 446-447
- ¹⁸⁷ S.Thournbn Bannu, of our Afgan Frontier с. 124-125
- ¹⁸⁸ Там же, с. 112-113
- ¹⁸⁹ Там же
- ¹⁹⁰ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 117, 203
- ¹⁹¹ Выдержки из английских газет, д.1491, л.217.
- ¹⁹² См.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.329; Gazetteer of the Bannu District, с.78, 121-124, 126; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с. 102- 103; G.V.Scott Pathan and Afghan, с 144; /М.И.Венюков/. Пенджаб и Северо-Западная граница Индии, с.20; Gazetteer of the Peshawar District, с.130. Подробнее об условиях пожалования джагиров пуштунским феодалам в первые десятилетия английского правления см.: Л.Р.Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии, с.35.
- ¹⁹³ Gazetteer of the Bannu District, с.94; H.G.Raverty. An Account of the Mountain District..., с.187-188.
- ¹⁹⁴ См.: Gazetteer of the Bannu District, с.123; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с. 101-103, 190-197; Л.Р.Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии, с.35.
- ¹⁹⁵ H.V.Edwardes. A Year on the Punjab Frontier in 1848-49. Vol.11, с 18-19. Подробнее см. также: Н.И.Семенова. Государство сикхов. М., 1958, с. 164.
- ¹⁹⁶ См. подробнее: Gazetteer of the Bannu District, с.93-95; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, с.90; Gazetteer of the Peshawar District, с.122, 209.
- ¹⁹⁷ См. подробнее: Gazetteer of the Bannu District, с43, 80; Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.155-156, 202.
- ¹⁹⁸ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с. 155-156, 177.
- ¹⁹⁹ См., например: Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего МИД. М., 1918, с.51-52; Д.Иенгхэзбенд. Война на границах Индии. Пер. с англ., СПб., 1899, с. 146, 148; Н.А.Аристов. Англо-индийский Кавказ, с.44, 45; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads. с.20; "The Times", 3.III.1879; 26.III.1895.
- ²⁰⁰ См.: И.М.Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев; Ю.В.Ганковский. Империя Дуррани; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в.
- ²⁰¹ См.: Mulla Alee m-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.698 -700; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с. 115-117.

- ²⁰² АВПР, "The Times", 10.IV.1895.
- ²⁰³ Выдержки из английских газет, д.1506, л.188.
- ²⁰⁴ См. подробнее : Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.635; Ми 1 1 а А 1 е е м-U 1 1 а h. Account of Parts of the Cabool..., с.697-699; "The Times", 16.VIII. 1895; Irwin. Memoir on the Climate..., с57; C.Davies. The Problem of the North-West Frontier, с.51- 59; An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с 140; M.Kakar. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с.132.
- ²⁰⁵ См.: An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с.114; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с693; Irwin. Memoir on the Climate..., с57; "The Times", 30.IV.1895.
- ²⁰⁶ См.: АВПР, ф.САС, д.942, л.35; СКС, 1911, №6, с.14; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan, с 116-117; Gazetteer of the North-West Frontier Province, С.220; C.Davies. The Problem of the North-West Frontier, с.52.
- ²⁰⁷ Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с687-688, 693, 700; An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с 140- 145, 148.
- ²⁰⁸ См.: Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.687, 699, 701; W.Churchil. Frontiers and Wars, с.72. Утверждение М.Какара о том, что на территории княжеств власть ханов была ограничена племенной джиргой (М.Kakar. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с.134), нашими источниками не подтверждается.
- ²⁰⁹ См.: Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.698-701; An Account of Upper Kashkar and Chitral..., р. 144; M.Kakar. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с.132; Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.751; В.А.Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в., с.472.
- ²¹⁰ Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с. 1069: см. также: "The Times", 5.IV.1895.
- ²¹¹ Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.696, 700.
- ²¹² См.: An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с148; Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.687; Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.214.
- ²¹³ Gazetteer of the North-West Frontier Province, с.32; Англо-индийское владение, с.29.
- ²¹⁴ C.Davies. The Problem of the North-West Frontier, с.55.
- ²¹⁵ См.: Mulla Aleem-Ullah. Account of Parts of the Cabool..., с.687; Khajah of Cabool. Account of the Panjkora Valley and of Lower and Upper Kashkar, с.814;

An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с.139; Cazette-er of the North-West Frontier Province, с.216, 222; A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, с 176; M.Ka-ka. The Consolidation of the Central Authority in Afghanistan..., с 132.

²¹⁶ Mulla Ale em-U l l ah. Account of Parts of the Cabool..., с.698 –699; см. также: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.214.

²¹⁷ См., например, An Account of Upper Kashkar and Chitral..., с.148–150; Мухаммед Хаят-хан. Хаят-и афгани, с.214.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Фаиз Мухаммад Катиб. Сирадж ат-таварих, с.1068–1070, 1074–1075.

²²⁰ W.Churchil. Frontiers and Wars, с.24,71.

²²¹ Там же, с.71.

²²² Подробнее см.: Ю.В.Ганковский. Народы Пакистана. М., 1964, с. 216 –223; он же. Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции Пакистана. – "Народы Азии и Африки". 1979, №6 (здесь же приведена библиография по этому вопросу).

²²³ Ю.В.Ганковский. Народы Пакистана, с.222.

²²⁴ Подробнее см.: Т.Д.Джабборов. Северо-Западная пограничная провинция Пакистана. М., 1977.

²²⁵ Подробнее см.: Akbar S. Ahmed. Social and Economie Change in the Tribal Areas. Karachi, 1977, с.20–22.

²²⁶ Там же, с.39 –41; Akbar S.Ahmed. Pukhtun Economy and Society, с.88–100.

²²⁷ Ю.В.Ганковский. Социальная структура населения Северо-Западной пограничной провинции, с.85.

²²⁸ Akbar S.Ahmed. The Arab Connection: Emergent Models of Social Structure and Organization among Pakistan Tribesmen. – "Journal of South Asian and Middle Eastern Studies". Villanova, 1981, 3, с. 37–44.

²²⁹ Ю.В.Ганковский. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 163 –190.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные восточнопуштунские племена и кланы

Легендарная генеалогия пуштунов возводит все их племена и кланы к общему предку — Каису Абдуррашиду¹. По преданию, Каис Абдуррашид, потомок библейского царя Саула, жил в Западной Аравии; в ислам его обратил пророк Мухаммад. У него было три сына: Сарабан (или Сарбан), Батан и Гургушт. От них, а также от приемного сына Гургушта — Керлани (Карлани, Каррани) и ведут свое происхождение, согласно этой легендарной генеалогии, все хели, т.е. племена и кланы пуштунов, кроме гильзаев; последние, по преданию, происходят от незаконного брака дочери Батана — Биби Мато с Шах Хусейном, сыном правителя Гура (горной области на северо-западе современного Афганистана).

Таким образом, все ныне существующие пуштунские племена, проживающие как в Афганистане, так и в Пакистане, делятся на четыре основные группы: керларнийцы, гургушты, сарбанийцы и гильзаи².

I. Керларнийские племена

Вазиры. Делятся на две ветви: дервиш-хель (муса дервиш-хель) и масуд, или махсуд-вазиры.

Дервиш-хель состоит из двух групп кланов:

утманзаи, в которую входят кланы махмуд-хель, или мамит-хель, манзар-хель, мада-хель, или мадда-хель, тори-хель, кабул-хель или сайфали кабул-хель, маликшахи-хель, джани-

---

¹ Подробнее см.: Ю.В.Ганковский. Народы Пакистана. М., 1964, с.128 — 147; В.М.Ма с с о н, В.А.Р о м о д и н. История Афганистана. Т.1. М., 1964, с.269-276; В.А.Ромодин. Генеалогическая структура основных групп афганских (пуштунских) племен и их расселение в XVI—XVII во. — "Страны и народы Востока". Вып. 22, кн.1. М., 1980, с.239-251; "История Афганистана". М., 1982, с.78-80.

² Подробнее см.: Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и афгани. Лахор, 1867; H.W.BeXlew. A General Report on the Yu-sufsais. Lahore, 1864; H.G.Raverty. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan. L., 1880; "A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Provinces". Vol.I-III. Lahore, 1911.

хель, хасан-хель, ваджи-хель, сарди-хель, тахти-хельи нар-ми-хель³;

ахмадзаи, в которую входят кланы хати или хатхи-хель, сарки-хель или сирки-хель, умарзаи⁴, мухаммад-хель, ходжал-хель, ханиа-хель, бадин-хель, базан-хель или бизан-хель, паинда-хель, бами-хель, таджиа-хель, сади-хель или садди-хель и садан-хель.

Махсуд-вазиры делятся на три группы кланов:

ализаи или потиа-хель, в которую входят кланы шаби-хель, или ша-хаби-хель, пали-хель, гиди-хель, шахмири-хель и ма-ликдини-хель;

бахлолзаи, в которую входят кланы аймал-хель, умар-хель, банд-хель, или буланд-хель, нана-хель и шанги;

шаман-хель, в которую входят кланы чахар-хель, хали-хель, или халил-хель, галишани-хель, или гулишахи-хель, и бадинзаи⁵.

Исторически с махсуд-вазирами связано небольшое племя (или группа кланов) гурбуз, которое делится на две ветви: насардин (кланы саргали, пшр-хель, мани-хель и кадди-хель) и хари-хель (кланы задин-хель, беко-хель и ланди-хель).

Африди, или априди. Основные кланы:

адам-хель, в который входят хасан-хель, джаваки-хель, гали, или галли-хель, калак-хель, мухаммади-хель и али-хель;

аула-хель, который делится на три ветви: 1) фероз-хель состоит из кланов мирахмад-хель, аймал-хель, камри, или камар-хель, куки-хель, абдал-хель, митахан-хель и аскандар-хель; 2) сепай, или сепахи, состоит из кланов абабакар-хель, ланди-хель и хармаз-хель; 3) закка или закха-хель состоит из кланов шан-хель, бади-хель и насируддин-хель;

ака или акка-хель, в который входят басси-хель, мада-хель, камал-хель, султан-хель, сазал, или сахал-хель, и исезай; мири-хель⁷.

Оракзаи. Делятся на четыре ветви:

1. Исмаилзаи, в которую входят 12 групп кланов – рабиа-хель (кланы пайао-хель, бабби-хель, афзал-хель, фарукшах-хель, айяз-хель и брахим-хель); а-хель (кланы масан-хель,

---

³ Хели сарди, тахти и нарми иногда объединяют в особую группу кланов – бака, или бакка-хель.

⁴ Хати, сарки и умарзаи иногда объединяют в группу сани, или ху-сейн-хель.

⁵ Иногда ализаи (потиа-хель) и шаман-хель объединяют в одну группу ализаи.

⁶ Последние три хеля носят также общее имя айша-хель. Африди иногда территориально делят на равнинных и горных. Главный (самый сильный и многочисленный) клан равнинных африди – адам-хель; главные кланы горных африди – мирахмад-хель; куки-хель; закка-хель; ака-хель и сепай.

⁷ Африди иногда территориально делят на равнинных и горных. Главный (самый сильный и многочисленный) равнинных африди – адам-хель; главные кланы горных африди – мирахмад-хель, куки-хель, закка-хель, ака-хель и сепай.

сарки-хель, мандра-хель и хиндки-хель); мамазаи, или дарра-дар (кланы мачи-хель, миро-хель, сикандар-хель, хвас-хель и хади-хель); иса-хель, или факир (кланы гавар, сан-хель, кали-хель и миру-хель); хадизаи (кланы нуршерканди, малам, ахмад-хель, рамдад-хель, миру-хель, ба-хадурхан и тархан-хель); садда-хель (кланы накшбгндкор, кабир-хель, сулейман-хель, фарид-хель и мухаммад-хель); брахим-хель (кланы зари, тал, шахмансур-хель и мадда-хель); али-хель (кланы ход-жахавас-хель, джасрат-хель, аймалхан-хель, занка-хель, ма-танни-хель, цкараи-хель и баба); мишти (кланы дараи-хель, хасанзаи, хумараи, или хайдар-хель, древанди, или вандграи, утани и мамизаи); шейхан (кланы базид-хель, с. мозаи и умр-заи); малла-хель (кланы кутуб-хель; азиз-хель, чар-хель и закри-хель); массозаи (ландизаи, ходжа-хель и ализаи).

2. Лашкарзаи, в которую входят три группы кланов – мамозаи (кланы аду-хель; сипах; абдуррахман-хель; абдуррахим-хель и миркалан-хель); алишерзаи (кланы свери и питао); баин-хель.

3. Даулатзаи, в которую входят четыре группы кланов – утман-хель (кланы фатехжан-хель и баранка-хель); фироз-хель (кланы джайсал-хель и саранг-хель); бизоти (кланы камбар-хель, яркули-хель, чавар-хель и мирули-хель); ализаи, или стури-хель (кланы тирах стури-хель и бара стури-хель).

4. Мухаммад-хель, в которую входят шесть групп кланов – бар мухаммад-хель (кланы хоедад-хель, аллахдад-хель, ми-рази-хель, баба и тирахи); мани-хель; сипая (кланы митха-хан-хель, султан-хель, ам-бара-хель и лашкари-хель); абду-лазиз-хель (кланы камал-хель, ка-дам-хель и азар-хель); сул-танзаи или астанзаи; брахимзаи.

Тури, или *тори*. Делятся на две ветви: саргалла, или са-рагалла (кланы хамза-хель и масту-хель) и чардаи, или га-раи (кланы дапар, или даппарзаи, ализаи и гунди-хель)⁸.

Утман-хель. Делятся на шесть ветвей: азиз-хель, карай, хамкри, дахла, мандил и бемри (в который входят кланы ис-маил-хель, дават-хель и сехсада).

Хаттаки. Делятся на две ветви: тари, или тараи (кланы исмаил-хель, мире-хель; ано-хель) и балак, или болак (кланы лунджор, или лунджвар, марозаи или шабар-хель). Иногда хаттаков делят по территориальному признаку – на западных и восточных.

Бангаш. Делятся на три ветви: баизаи (кланы мардо-хель, азу-хель, лоди-хель и шаху-хель), малик-мири, или миранзаи (кланы хасанзаи, бадах-хель, умар-хель и хакха-хель), ша-милзаи (кланы ланди-хель, хасан-хель, муса-хель и иса-хель)

Баннучи, или *оанудоки*. Делятся на три ветви: саррани, сами и мири.

---

⁸Последние два хеля носят также общее название ландизаи.

Марваты ⁹. Главные кланы: муса-хель, ачу-хель, худа-хель, бахрам-хель и таппи-хель.

Даури, или **давари**. Делятся на две ветви: маули (главные кланы которой — хаким-хель, хайдар-хель, хасан-хель, каре-хель и сулейман-хель); ибрахим (главные кланы которой — таппи-хель, даулат-хель и мирамшах-хель) ¹⁰.

II. Гургуштские племена

Какар. Главные кланы: баби, сардар-хель, хамазай, ман-дио-хель, сарагзай, награ, дави, байанзай, ходжазай и киб-зай.

Мишвани, или **машвани**.

Мандо-хель, или **мхнду-хель**.

Пани. Главные кланы: муса-хель, исот, змари, депхал, или догпал.

Шираки. Главные кланы: уба-хель, сиан-хель, чугар-хель и бабар.

Устарани или **ушпарани**. Главные кланы — ахмадзай, или амазай, и гагалзай.

Гадун или **джадун**. Делятся на две ветви: салар (кланы матхвазаи, аттозай и сулейманзаи); мансур (кланы маттизаи, даулазаи и хадарзаи).

Иногда в группу гургушт включают также племя *лупи* или *лурни*.

III. Сарбанийские племена

Юсуфзаи. Делятся на две территориальные группы — горных и равнинных.

Горные юсуфзаи: мализаи или маллезаи (кланы — чагарзаи, нуризаи и даулатзаи, которые, в свою очередь, делятся на мандизаи, биржазаи и исмаилзаи); аккозаи (кланы — хвазозаи, баизаи и ранизаи); исазаи (кланы — хасанзаи, akkaзаи и мадда-хель); илиасзаи (кланы — саларзаи, гадаизаи, махозаи, айшазаи и панджпазаи).

Равнинные юсуфзаи: утманзаи (кланы алазаи, камазаи, ака-заи и саддажзаи); усманзаи (кланы амозаи и камалзаи); разар (кланы манизаи, маликзаи, хидарзаи, ако-хель и мамозаи). Все равнинные юсуфзаи называются также общим именем "майдан", или "манданры".

Таркланкри (или **таркалани**, также **торкланри**). Главные кланы: саларзаи, исмаилзаи, исазаи, момунды, или мамунды (последние делятся на калазаи и дур-мамунд).

Моманды или **мохманды**. Делятся по территориальному признаку на горных (бар-моманд) и равнинных (куз-моманд). Основные кланы горных момандов — таракзаи и халимзаи (делятся на хамза-хель, кадаи-хель и валибег-хель), баизаи и хва-

---

⁹ Первые три клана иногда объединяются в одну группу дреплара.

¹⁰ Помимо названных в группу керларнийских племен входят также: джадран или дзадран, джаджи или дзадзи, мангал, вардак, хугиани, тани и мукбил. Но они проживают не на территории современного Пакистана, а в юго-восточном Афганистане.

заи. Основные кланы равнинных момандов – мусазаи, маярзаи, давазаи, саргани и матани¹¹.

Давудзии или **даудзаи**. Делятся на три группы кланов – мандки (кланы бабозаи, хусейнзаи и никозаи); юсаф (кланы мандарзаи, вафа-хель и саффазаи); мамур (кланы таджа-хель, мухаммад-хель, сайад-хель, юнас-хель, базид-хель, аллихзаи, бибизаи и багалзаи).

Халил. Главные кланы – маттезаи, саларзаи, барозаи, исхакзаи, талиарзаи, аффогаи, нурзаи и аказаи¹².

Займухты или **займашты**. Главные кланы: масузаи, алишер-заи, ватизаи, хоедад-хель, даудзаи и манданзаи.

Тарины. Делятся на две ветви: спин-тарин, или белые тарины (главные кланы: дар-хель, там-хель, адами, или абджи-хель, и сулейманлаг-хель) и тор-тарин, или черные тарины (главные кланы: баба-хель, кундазаи, сехи-хель и малаони-хель, которые делятся на харун-хель и али-хель).
Чамкани. или **цамкани**.

Шинвари¹³.

Ачакзайу или **ацакзай** – клан ветви зирак племени дуррани (до 1747г. – абдали), которое проживает в Афганистане.

IV. Гильзайские племена.

Делятся на две ветви – буран и туран¹⁴. Большая часть гильзаев живет в Южном Афганистане. На территории же современного Пакистана проживают следующие племена.

Битани или **бхитани**. Главные кланы: дхана, татта и ура-спун.

Гандапур. Делятся на пять ветвей – якубзаи (кланы шах-хель, дана-хель, сарван-хель, пара-хель, хваджа-хель и ка-дам-хель); хусейнзаи (кланы умар-хель и дод-хель); брахим-заи (кланы базак-хель и аллахдад-хель); умран-заи (кланы исе-хель и ганд-хель); хубизаи (кланы захакзаи и сакандар-заи).

Сулейман-хель¹⁵. Главные кланы: хвазак, кайсар-хель, шамал-хель и ахмадзаи.

Иногда в группу гильзайских племен включают также проживающие на территории современного Пакистана следующие племена.

Лохани. Главные кланы: мулла-хель, давлат-хель и миан-хель.

---

¹¹ Часть момандов проживает в Афганистане.

¹² Иногда племена моманд, даудзаи, халил и чамкани (см. ниже) выделяются в группу гхориа, или гвари-хель, так как, согласно легендарной генеалогии, они произошли от Гхори, внука Сарабана.

¹³ Большая часть племен чамкани и шинвари проживает в Афганистане.

¹⁴ Иногда гильзаев делят на три ветви: буран, туранииб-рахим.

¹⁵ Большая часть сулейман-хель расселена в Афганистане.

Дотани.

Миан-хель. Главные кланы: драбан, мусазаи, или муса-хель, бахтиарзаи, джафар или джафир.

Ниази, или нийази. Делится на четыре ветви: самбал, иса-хель (кланы закка-хель и мамма-хель), муса-хель и сахранг.

*Кунди*¹⁶.

Хасор или *хасур.* Главные кланы: умр-хель и малли-хель.

---

¹⁶ Иногда кунди включают как ветвь в племя ниази.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ*

- Абиана (от фарси "аб" — вода) — водный сбор; налог на орошение.
- Амлак (от араб, "мулк" или "милк" — собственность, владение) — земельная собственность, имение, недвижимость.
- Арбаб (от араб, "рабб" — господин, владыка) — старейшина селения или рода, староста.
- Ахун (от фарси "ахунд") — мусульманский богослов; духовный наставник, учитель.
- Бадал (от араб. — замена, возмещение) — месть, компенсация, возмещение.
- Бадлун — обмен, замена.
- Базгар — земледелец, издольщик; оброк.
- Бакраи (от араб, "бакира" — первый плод) — свадебный налог.
- Бохар — земельная рента у какаров.
- Бузург (фарси — старший, знатный, великий) — глава племени или клана.
- Вазиринарх (от фарси "нарх" — цена, такса. В языке пушту "нарх" — также нормы обычного права) — кодекс чести у вазиров.
- Веш — дележ, раздел; обычай периодического раздела земли.
- Два-кора — собственник двух домов ("кор" — дом).
- Джагир (фарси) — привилегированное феодальное держание земли, связанное с полным или частичным налоговым иммунитетом, а иногда с правом взимания налогов с населения.
- Джирга (фарси — круг, группа) — совет рода, клана, племени. Ахле-джирга — совет всех полноправных мужчин племени. Джирга-и маликан — совет маликов.
- Дилавар (фарси — мужественный, храбрый, храбрец) — военный отряд у вазиров.
- Доа — также дуа (араб.) — молитва, благословение.
- Заминдар (от фарси "замин" — земля) — землевладелец, земледелец.
- Зийаратгах (от араб, "зийарат" — посещение, паломничество) — место паломничества, святыня, гробница святого.
- Имам (араб. — стоящий впереди, предстоятель) — духовное лицо.

---

*В словаре даны основные значения терминов. Заимствования из других языков обозначены: араб. — из арабского языка; фарси — из языка фарси (дари); урду — из урду.

цо, руководящее ежедневной или пятничной уставной молитвой; настоятель мечети.

Инам (араб. — награда, милость, благодеяние) — участок земли, даруемый за службу и освобожденный (полностью или частично) от налогов.

Ишан (от фарси — они) — мусульманский богослов; см. также "пир".

Кала (араб. — крепость, цитадель) — укрепленный замок главы племени, клана, знатного землевладельца.

Каладар (араб., фарси) — командир гарнизона или комендант крепости.

Каланг — дань, налог; тип социальной организации, сложившейся к XX в. у восточных пуштунов административных округов.

Ламбардар (от урду "ламбар" — число, номер, порядок) — деревенский староста, отвечающий за сбор налогов.

Лашкар (фарси — отряд, армия, войско) — ополчение боеспособных мужчин племени.

Мазар (от араб, "зара" — помещать, навещать) — могила лица, известного благочестивым образом жизни.

Майра (также мера) — пустошь, пастбище, неполивная земля.

Малик (араб. — правитель, монарх) — старейшина рода, клана или племени; титул главы племени.

Маликана (от араб, "малик") — доля хозяина; подать, уплачиваемая собственнику земли; земельная рента.

Матамхана (от фарси "матам" — траур, плач по умершему; "хана" — дом) — молитвенный дом у шиитов.

Мелмастия — гостеприимство, обычай гостеприимства.

Миан (урду — господин, почтенный, уважаемый) — титул, почетное прозвище мусульманских богословов.

Мулла (араб.) — мулла, мусульманский богослов, грамотный человек.

Мунши (араб. — автор, составитель, стилист) — секретарь, глава канцелярии.

Мурид (от араб, "рада" — искать, изучать) — ищущий, ученик, последователь духовного наставника (муршида, шейха или пира).

Наваб (от араб, "наиб" — замещающий, наместник) — титул правителей некоторых феодальных княжеств; высочество, светлость.

Нага — штраф.

Назир (араб. — наблюдающий, смотритель) — чиновник администрации княжества.

Намази джума (фарси "намаз" — уставная молитва, араб, "джу-ма" — пятница) — пятничная молитва.

Нанг — честь, репутация, чувство чести; тип социальной организации у восточных пуштунов горных районов.

Нанхури (фарси — хлеб, дневное пропитание) — хлеб на пропитание у вазиров.

Нека (также — ниже) — дед, предок; глава рода у ширани и некоторых других племен.

Пайавар (пьявер) — мощный, сильный, отличный; военный отряд у вазиров.

Паргана (фарси — округ, район) — низшая административно-территориальная единица, налоговый округ.

Пир (фарси — старец, наставник) — глава мусульманской религиозной общины, духовный наставник.

Пуштунвалай (пужтунвалай) — кодекс чести пуштунов.

Райат (араб. — паства, подданные, население) — сословие крестьян, податное население.

Райис (араб, стоящий во главе) — глава клана или племени, представитель знатного рода.

Сардар (от фарси "сар" — голова, глава) — глава племени или клана, военачальник.

Сардар-хель (от "сардар" и "хель" — см. ниже) — аристократический род, за членами которого была закреплена должность главы племени или клана.

Сеид (от араб, "сайид" — господин, государь) — потомок пророка Мухаммада.

Сери (серей) — земли мусульманских богословов, изъятые из сферы "веша" (см.).

Сипах-салар (фарси "сипах" — армия, войско; "салар" — глава, предводитель) — полководец, военачальник, глава военного ведомства.

Спин-жерай (спингирай) — букв, белобородый; старейшина рода или клана, староста.

Тайар-хур (фарси — тот, кто ест готовое) — телохранитель, воин личной дружины хана (главы племени, феодального князя).

Таппа — подразделение племени (клан, род); мелкая административная единица (село, деревня).

Тахсил (араб.— собрание, получение) — административно-территориальная единица, налоговый округ.

Тахсилдар — сборщик налогов, правитель округа.

Тига (тира) — букв, камень. В знак прекращения военных действий клали камень) — прекращение междоусобиц в случае нападения общего врага у африди.

Улама (улемы) — (араб. — ученые мужи) — сословие мусульманских богословов.

Факир (араб. — нуждающийся, бедняк) — у юсуфзаев неполноправный, феодально-зависимый человек.

Хавинда (хавенд) — глава рода или семьи, владелец земли; у юсуфзаев — покровитель зависимых (факиров).

Хамсая (фарси — живущий под той же тенью) — неполноправный, феодально-зависимый человек.

Хан (в монголо-тюрк. языках — повелитель, государь) — глава племени или клана, правитель феодального княжества.

Хан-хель — ханский род, за членами которого была закреплена должность главы племени или клана.

Харвар (фарси — букв, вьюк осла; — мера веса, размеры которой весьма различаются в разных районах).

Хель (араб. – отряд конницы) – у пуштунов род, клан, подразделение племени, иногда само племя.

Цалвехти (от "цалвехт" – сорок) – выборный начальник (один из сорока человек), руководящий военным предприятием; милиция у вазиров.

Шамилат (от араб, "шамала" – включать в себя, быть общим) – общественные земли: пустоши, леса, пастбища.

Шариат (араб. – закон, правильный путь) – мусульманское право, регулирующее религиозные, гражданские, семейные, уголовные отношения и нормы быта мусульман.

Шейх (араб. – старец, наставник, глава) – глава мусульманской религиозной корпорации или общины, духовный руководитель.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Расселение восточных пуштунских племен	5
<u>Основные занятия восточных пуштунов .....</u>	<u>9</u>
<u>Социально-экономическая и политическая структура .....</u>	<u>16</u>
<u>Сословие мусульманских богословов ... ..</u>	<u>29</u>
<u>Крестьяне. Хамсая и факиры .....</u>	<u>35</u>
<u>Джирга. Судебная практика .....</u>	<u>41</u>
<u>Ополчения племен (лашкар) .....</u>	<u>44</u>
<u>Особенности английской колониальной политики в во-</u>	
<u>сточнопуштунских землях .....</u>	<u>45</u>
<u>Пуштунские княжества .....</u>	<u>55</u>
<u>Заключение .....</u>	<u>60</u>
<u>Примечания .....</u>	<u>63</u>
<u>Приложения .....</u>	<u>78</u>

Лутфи Темирханов

ВОСТОЧНЫЕ ПУШТУНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ (ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Редактор Ю.О.Магидсон
Младший редактор Н.Н.Комарова
Художник Е.Афанасьева
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор В.П.Стуковнина
Корректор К.Н.Драгунова*

ИБ № 14919

Сдано в набор 27.06.84. Подписано к печати 31.08.84,
А-13493. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. п.л. 4,62. Усл. кр.-отт. 4,94,
Уч.-изд.л. 4,48. Изд. №5610.
Тираж 1250 экз. Зак. И» 311. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука" Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3 издательства "Наука" Москва К-31, ул.Ясданова, 12/1